

Ю.И.Чернов

*Встретимся у памятника
Крузенштерну*

Ю.И.Чернов

ВСТРЕТИМСЯ У ПАМЯТНИКА КРУЗЕНШТЕРНУ

*Очерки о боевых товарищах,
участниках Сталинградской битвы*

Москва
«Независимая Служба Мира»
1993

**В книге капитана первого ранга Ю.И.Чернова перед читателем
предстают сложные судьбы поколения сороковых годов.**

ISBN 5-86148-006-0

«Независимая Служба Мира», 1993

*Тревога! Тревога! Тревога!
Россия курсантов зовет.*

Вл. Луговской

К ПАМЯТНИКУ НА НЕВЕ

В то лето 1941 года набор в старейшее Военно-морское училище имени Фрунзе был необычным. Мало того, что он был первым военным набором, его курсантами, в числе других, стали юноши во флотской форме. Шесть военно-морских специальных школ в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Горьком и Баку направили сюда своих выпускников, окончивших десятый класс.

Шла война. Фронт стремительно приближался к Ленинграду. Нас – новый набор курсантов вскоре направили в морскую бригаду, охранявшую тылы фронта. Лишь в сентябре, когда противник вышел к городу на Неве, курсантов вернули в Ленинград продолжать учебу. Но нормальных занятий в заблокированном городе не получилось. Частые воздушные налеты, артобстрелы, начавшийся голод мешали изучать морское дело. В декабре, когда лед сковал Ладожское озеро, было принято решение эвакуировать курсантов в Астрахань, где находились старшие курсы. Предстоял переход сперва по льду Ладоги, а потом по суше на Вологду.

Из девятистот дней блокады мы провели в ней только девяносто. Но и этого было вполне достаточно, чтобы многие совершившие 60-километровый переход по льду, стали считать этот день вторым днем рождения.

Оставляли город, коченеющий в сугробах, с сожалением. Но все верили, что рано или поздно мы вернемся в свое училище, снова встретимся на набережной Невы у памятника первому русскому кругосветному мореплавателю адмиралу Крузенштерну.

В Астрахани заново освоили программу первого курса. Но летом 1942 года положение на фронте обострилось. В армию ушло почти 300 первокурсников. О некоторых из них, в своем большинстве не вернувшихся с фронта, расскажут эти очерки.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ВЫПУСК

Курортный поселок Тинаки находился километрах в пятнадцати от Астрахани на правом берегу Волги. Солнце палило еще совсем по летнему, и после тактических занятий, когда приходилось атаковать барханы, соль выступала на наших новеньких зеленых гимнастерах.

Стоял сентябрь памятного для страны сорок второго года. В пехотную форму нас – курсантов высшего военно-морского училища имени Фрунзе переодели во второй раз совсем недавно, в августе, когда наметилась угроза Сталинграду, и в действующей армии появилась нехватка пехотных командиров. Вот почему на левом рукаве наших гимнастеров нашит золотой якорь. А до этого была Астрахань, куда наше училище эвакуировалось из Ленинграда, были лекции в городке рыбвтуза, практика на кораблях Краснознаменной военной флотилии и на топографическом полигоне Черепеха.

Вечерами над лагерем раздавалась наша любимая курсовая песня:

Нас в пехоту сражаться послали
Беззаветных морских сыновей.
Только мы бескозырки не сняли
И не сняли тельняшки своей.

Она была как клятва на верность флоту, пронесенная через истребительный батальон под Ленинградом, суровые дни блокады, тяжелый пеший переход по льду Ладоги в декабре сорок первого. Большинство фрунзевцев прошли эту школу, и только одна первая рота эвакуировалась из Ленинграда в Астрахань в начале войны, сопровождая по Волге училищные грузы.

10 августа 1942 года нас вернули в Астрахань с практики. Уже по внешнему виду городка рыбтвуса стало понятно, что произошло что-то необычное. На привычных местах не было часовых, а деревянный забор, окружавший городок, наполовину разобрали. Из его досок тут же сколачивали какие-то ящики. К станции уходили грузовые машины с грузами.

Нам объявили решение командования: в связи со сложным положением на фронте, училище эвакуируется в Баку. С ним уезжают только старшие курсы. А первый и второй курс направляются на месячную пехотную подготовку, а потом – командирами стрелковых взводов на фронт.

Так мы попали во Второе Астраханское пехотное училище.

Угроза Сталинграду все нарастала. Но срок переподготовки, к нашему неудовольствию, нам несколько продлили. Холодным солнечным утром 12 октября 1942 года во дворе Астраханского кремля нам прочли приказ командующего 28-й армией. Пятьсот моряков (нас пополнили курсантами Каспийского военно-морского училища), закончивших Второе Астраханское пехотное училище, получили первые командирские звания. Несколько человек попало в партизанскую спецшколу. Восемьдесят – осталось в Астрахани в резерве 28-й армии, остальных направили на Сталинградский фронт.

СЛОВО, ДАННОЕ РОДИНЕ

В старинном русском городе Борисоглебске перед войной жил парнишка. Звали его Володя Ефименко. Как и все ребята, носил красный галстук, ходил в школу. Он недолюбливал математику и черчение, зато увлекался литературой. Свои мальчишеские конфликты предпочитал разрешать среди сверстников самым справедливым (с его точки зрения) путем – в честном кулачном бою на пустыре за школой. Тех, кто уклонялся от такого способа разрешения споров, не уважал. Считал трусами и ничтожеством.

Учился прилично, но и из двойки не делал трагедии. Искренне удивлялся, когда новенькая, получив «плохо» по алгебре, пошла на речку топиться. «Чудеса! – записывал в дневнике. – Если бы каждый из-за «плохо» шел топиться, боюсь, что нашей речки хватило бы дня на два, не больше». Было это в пятом классе.

Жилось трудно: отец пил. Поэтому родители расстались. Володю и его сестру Олю воспитывала мать. К отцу он ездил изредка. Тот жил неустроенно. Не было своей комнаты, поэтому ютился в железнодорожном вагоне, который перегоняли с места на место. Зато здесь часто «праздновали». Володя пишет: «Гуляли, здорово пили. Тетя Луша, напившись, спала под кроватью. Ее рвало.

Омерзение». Может быть еще и поэтому его особенно сильно влекла романтика, мир красивых и сильных людей. Парнишка мечтал стать моряком и поэтом. Сохранилось его стихотворение «Мечта». О чем же мечтал в те годы тринадцатилетний пионер? Неумелые детские строчки заканчиваются так:

И верный своему народу
Разбить пришельцев из чужих морей
Я первый в бой пойду, чтоб защитить свободу,
Покой и счастье Родины моей.

Море и поэзия – к этой цели он стремился всю свою короткую жизнь. В злитом дождевой водой старом карьере видел море. Старенький велосипед превращался в его глазах в быстроходный катер. Он старался читать о морских просторах, закалял себя, готовя к морской службе, в мечтах видел себя на палубе корабля, стальной махины-линкора.

Линкор стальной по глади серых вод
Я поведу дорогою прямою...

Свои стихи Володя сперва записывал в альбом сестре, потом стал посылать в редакцию газеты «Будь готов!» Помещались его стихи и в школьном рукописном журнале. Подписывал он их псевдонимом «Владимир Морской».

В своих стихах «Наша юность», «Песня геологов», «Молодые моряки» он писал о светлом будущем, о дальних походах, о том, что родная страна «в нас заложила смелость душ».

Последняя запись датирована 24 мая 1941 г. «Неужели моя жизнь будет построена не так, как я предполагаю? Во всяком случае это будет зависеть не от меня. Я буду стремиться сделать что-то большое, полезное для своего народа, для своей Родины. Честное слово!» Так, за месяц до начала войны и за месяц до окончания десятого класса записывал свои мысли ученик средней школы N 5 города Борисоглебска семнадцатилетний комсомолец Володя Ефименко.

Он поступил в Высшее Военно-морское Училище имени М.В.Фрунзе. Там мы познакомились и подружились. Занимались на одном факультете. Потом командовали соседними стрелковыми взводами под Сталинградом. У меня сохранились некоторые его стихи, а у Володиных родных его дневник и фронтные письма.

За искренними, подчас наивными мальчишескими записями встает недюжинный характер прямого, целеустремленного юноши, одного из поколения молодежи сороковых годов.

Школьные годы (Из дневника В.Ефименко)

14 ноября 1934 г. Смотрел картину «Кастусь Калиновский». Вот кино так кино!

1 декабря 1934 г. Сегодня катался на коньках. Вдруг загудели гудки. Подумал – пожар. Но потом узнал, что в Ленинграде убит Киров.

17 ноября 1935 г. Бабушка велела мне зарубить курицу. Я зарубил, но есть не стал. Чувствую себя палачом.

8 января 1937 г. Начал получать газету «Будь готов!» В номере были картинки. Редакция предлагала написать по ним рассказ. Я написал.

17 января. Наша учительница по литературе Серафима Васильевна мне очень нравится. Характер у нее добрый, душа высокая. Сегодня она целый урок философствовала о тех людях, которые свою жизнь отдали другим.

22 мая. Пришла газета «Будь готов!» Под общим заголовком «Рассказы наших деткоров» помещены и мои «Мухоловки».

7 августа. Газета напечатала уже третье мое произведение «Мой друг – собака Розка».

15 августа. Омск. Катался на катере по Иртышу. Страшно хочется быть капитаном.

9 июля 1938 г. Ст. Татарская. Два раза в день катаюсь на отцовском велосипеде. На улице этого делать нельзя – грязь. И мне приходится довольствоваться скромной площадкой двора. Я люблю разогнаться насколько позволяет велосипед, пригнуться к рулю и слушать, как свистит в ушах ветер. В такие минуты я вижу себя капитаном, ведущим корабль между рифами, на которые со страшной силой несет его судно. Но дьявольский двор делает мне подвохи на каждом повороте. На быстром ходу машина не слушается ни руля, ни тормозов и летит прямо на мусорный ящик или на забор, и я лечу вслед за нею. Меня забавляют такие приключения. Одного боюсь – сломать машину.

23 июля. К жизни легкомысленно относиться не следует. К чему тогда жить?

19 августа. Ежедневно хожу на котлованы. На одном из них есть длинный мыс, далеко вдающийся в воду. Я пробираюсь туда, сажусь у воды и наблюдаю, как набегают на берег волны. Мне кажется, что я у морского простора.

25 сентября. Мечта: кончу литературный или морской институт, постараюсь создать Родине что-нибудь замечательное.

3 ноября. Исторический день. Получил сборник стихов ребят Воронежской области. В книге оказались и мои два стихотворения. «Юные папанинцы» и «Счастливые племя». Я страшно доволен.

1 октября. Вернулся в Борисоглебск. Исполнилось 16 лет. В городе появились воинские части. На западе напряженное положение.

17 октября. Был Мачнев. Рассказывал о своем учении в аэроклубе. Учится с большим желанием. Из него, я верю, выйдет хороший защитник Родины. Я сказал, что мечтаю поступить в морскую школу. Он одобрил мои мысли, но предупредил, что служба во флоте очень трудная. Это я и сам знаю.

По радио читал стихи «Седовцам». Со стихами выступал перед ранеными на финской войне в госпитале. Среди них много орденосцев.

25 ноября. Я учусь, активно участвую в общественной жизни школы, но мысли мои далеки. Я – моряк.

3 декабрь. В книге Юрия Германа «Наши знакомые» яркий образ моряка-контрабандиста Леньки Скворцова. Но мне не таким моряком хочется быть. Настоящим храбрым советским моряком. Биться с врагами до победы, до смерти. А что может быть прекрасней смерти за свободу своей Родины?

Записи обрываются в закончившейся тетради. Видимо, у Володи была другая тетрадь, которую он продолжал в училище. Но разыскать ее не удалось.

В училище

Две недели, как шла война. Было пустынно в старинном здании на Неве, где находился новый набор курсантов. С фронтов поступали тревожные све-

дения, но мы по молодости, не понимали этого и продолжали по вечерам петь старые довоенные песни. Пели и чувствовали: нужна своя морская песня, соответствующая времени. Я был членом редколлегии курсовой стенной газеты. Володя принес в газету свою песню. Так мы с ним познакомились.

Песня была написана на мотив известной песни «Там, где пехота не пройдет...» Ее быстро записал весь курс.

Набат войны гудит опять
И боевое знамя вьется.
Идут отчизну защищать
Отряды славных краснофлотцев.

Хор дружно подхватывал припев:

Жестока будет наша месть.
Вперед, в атаку огневую!
За нашу жизнь, за нашу честь,
За нашу славу боевую!

В это время мы с Володей встречались нечасто. Он был сантиметров на пять выше, поэтому находился в первой роте, а я был во второй. Вскоре положение под Ленинградом осложнилось. Первая рота была выделена сопровождать грузы. А две других влились в морскую бригаду, направленную на Ленинградский фронт. На полгода мы расстались. Вот что писал в это время Володя своим родным:

15 ноября 1941 г. Сегодня ходили на шлюпке под парусами. Дул холодный ветер, паруса рвало и шлюпку ставило так, что иногда она черпала воду. Но моряку надо ко всему привыкать, выковывать в себе волю и бесстрашие.

20 ноября. В выходной, как активный автор нашей газеты я получил билет в театр. Смотрел замечательную пьесу «Фельдмаршал Кутузов»...

«Активный автор нашей газеты». Да, если перелистать подшивку газеты «Фрунзевец», мы найдем здесь немало стихов Володи. Далеко не всегда они литературно совершенны. Но в искренности начинающего поэта сомневаться не приходилось. Трудное время переживала страна. Фашисты были под Москвой. И молодой автор писал:

Так пусть же сегодня сурово
В последнюю битву ведет
Нас гордое, верное слово,
Священное слово – вперед!

Трудно приходилось но он писал:

Для побед нас закалила
На морях Отчизна-Мать.

Другое стихотворение заканчивалось так:

Над нами свободы победное знамя
Горит путеводной звездой.

Прошел Новый год. После разгрома фашистов под Москвой Советская Армия продолжала наступление. Приближалась весна. На нашем курсе заканчивался учебный год. К этому времени из-под Ленинграда вернулись про-

должать учебу две оставшиеся роты. Мы с Володией встретились на гидрографическом факультете.

31 марта 1942 г. Пишу на пристани. Через несколько часов выйдем в море на практику. На Волге легкий лед. Наш ледокольный пароход без труда с ним справится. Впервые иду в море. Вступлю в бой с весенними штормами, возмужаю и, надеюсь, вернусь победителем, настоящим моряком.

15 мая. Больше двух недель не сходили на берег. Сейчас стоим на якоре. Живописные места. Дагестанские горы. Проходят рыбацкие шхуны. Вечерами с гор по морю доносится дурманящий аромат цветов. Мы берем пеленга, учимся бегать по вантам. Однажды у острова Вульф попали в 10-бальный шторм. Вот где была болтанка, вот где я почувствовал вкус моря, когда вода закатывалась в кубрики. Волна накрывала медные компасы, и они белели от соли. Многие ребята укачались. Им даже не помогли соленые овощи, бочки с которыми стояли открытыми на верхней палубе. Мне было тошно, но я не травил, и качку перенес сравнительно легко, чему рад несказанно.

В это время было написано его стихотворение «Ночь в гавани».

Легким туманом укрылся
Гавани берег ночной.
День, догорев, закатился,
Смытый последней волной.
Серое небо осело.
Плещет вода, как мазут.
Морем уставшим несмело
Черные баржи ползут.
Тихо. Но только тревогу
Горны в ночи протрубят.
Наши прожекторы строго
Небо лучами пронзят.
Тотчас недоброму гостю,
Черной убийце детей
Вышлют каспийцы навстречу
Ярость своих батарей.

9 августа. Как вы уже знаете, положение на фронте обострилось. Очень возможно, что у меня переменится адрес. Если некоторое время не будет писем – не беспокойтесь.

10 августа. Я покидаю училище.

Фашисты рвались к Сталинграду. Началось одно из крупнейших сражений Великой отечественной войны. Армия требовала пополнений. Поэтому нас – курсантов-фрунзевцев направили на пехотную переподготовку. С противоречивыми чувствами уходили мы из Астрахани. С одной стороны – появилась возможность самим вступить в бой с фашистами, а с другой – жалко было расставаться с флотом.

Занимались в курортном местечке Тинаки на правом берегу Волги. За полтора месяца надо было овладеть стрелковым оружием и изучить основы сухопутной тактики. Изредка в клубе показывали фильмы. В то время широко практиковались киносборники – несколько кинорассказов за один сеанс.

В одном из таких сборников говорилось о подвиге молодого рыбака. Была в нем и песня, красивая, мелодичная. Слов ее не запомнили. Но на следующий

вечер, когда после ужина я зашел в клуб, у старенького пианино сидел горьковчанин Борис Баринов и наигрывал песню. Несколько человек без слов подпевали ему. Заглянул в клуб Володя, послушал и исчез. Вскоре он появился со стихами «Море зовет». Их тут же разучили.

Боевые огнистые зори
Над широкою Волгой встают.
Моряки молодые о море,
О покинутом море поют.
Нас в пехоту сражаться послали
Беззаветных морских сыновей,
Только мы бескозырки не сняли
И не сняли тельняшки своей.
Нас в пехотную форму одели
И пехотою стали считать.
Неужели всю жизнь неизменно
По земле нам придется шагать?
Но родимое море нас кличет,
И мы видим в туманной дали,
Как проходят в победном величьи
После боя с врагом корабли.
Мы с врагом повстречаемся вскоре
И его уничтожим в бою,
За родные морские просторы
И за флотскую юность свою.
Боевые огнистые зори
Над широкою Волгой встают.
Моряки молодые о море,
О покинутом море поют.

Позднее рассказывали, что кочевала эта песня по Южному фронту, пользуясь особенно популярностью там, где сражались на суше моряки.

20 сентября. Учеба продолжается. Вчера нам сообщили неприятную новость. Срок наших занятий продлен еще дней на десять. А у нас ребята рвутся скорей на фронт. Учеба, надо признаться, трудная. По 14–16 часов в день. Иногда, лежа на нарах в землянке, чувствуешь себя совершенно разбитым. Но на фронте будет еще трудней.

Армейское командование осталось недовольно флотским патриотизмом Володи и всего курса и усмотрело в «Море зовет» упаднические нотки. В ответ на это Володя написал новую песню «Песню фрунзевцев». От своих флотских взглядов он не отказался, зато в пессимизме его никто упрекнуть не мог. Пели ее на мотив «Каховки». Были в песне такие слова:

Ты слышишь, товарищ, земли содроганье,
Войны разрушающий шаг?
Для нас наступила пора испытанья,
Суровое время атак.
Мы вместе недавно учились прокладке,
Учились, как брать пленга.
Теперь мы выходим в решительной схватке

Разбить и отбросить врага.
О море далеко в мечтах и печали
Не хныкали, духом упав,
А якорь заветный тогда нашивали
На серый армейский рукав.

Заканчивалась она так:

Когда же разбитый враг в поле поляжет,
Затихнет последний раскат,
Мы снова вернемся в училище наше,
Вернемся в родной Ленинград.

Правда, до дня Победы путь лежал долгий, впереди был фронт, и мы готовились к нему.

1 октября. Пишу вам в День своего рождения. Мне исполнилось 19. Золотые годы, только проходят они в суровое время. Сегодня начались у нас экзамены. Сдали огневую подготовку. У меня по ней «отлично».

По пути на фронт

Закончена пехотная переподготовка. Нам присвоили звания лейтенантов. Впереди – фронт.

Письма Володи родителям становятся короче и приходят реже. Нет времени, да и почтовый ящик не всегда найдешь. Война.

Эшелон шел только до станции Владимировка. Дальше небольшими группами добирались на попутных машинах. Остался позади Капустин Яр, где мы с месяц пробыли в резерве фронта, затем зимняя дорога привела нас в село Тундутово в расположение резерва 51-й армии.

Еще недавно здесь хозяйничали гитлеровцы. Может быть поэтому колхозники, у которых мы разместились, принимали нас так, словно именно мы принесли им свободу.

Из Тундутова Володя писал:

5 декабря. Нахожусь от вас еще дальше, потому что наши части, как вы уже знаете из газет, непрерывно наступают. За меня не беспокойтесь. Прогоним гитлеровцев – вернусь домой. Много я видел за это время, многое пережил и почувствовал и крепко возмужал. Да что писать – встретимся, тогда сами увидите, какой я стал солидный человек.

Вскоре мы оба получили назначение в 62-ю механизированную бригаду 13-го танкового корпуса. Лишь к рассвету добрались до какого-то небольшого хутора. Штаб размещался в глубокой балке, заросшей молодыми дубками. Приняли нас в автобусе, где находилась канцелярия. Кто-то из штабных хотел меня и Володю направить в разные батальоны, но мы попросили не разлучать. Просьбу легко удовлетворили. Бригада воевала не первый день, вакантных должностей командиров стрелковых взводов было много.

Только когда наступили сумерки, красноармеец провел нас на передовую. Сальская степь была припорошена снегом. У развалин мельницы встретили своего командира роты. Зима только устанавливалась, морозы стояли небольшие, но наши пилотки и хромовые ботинки были явно не по сезону.

Ротный расспросил, где и сколько мы учились, ругнул тыловиков, которые даже офицеров направили на передовую без оружия. Тут же он вызвал старшину и приказал раздобыть зимние шапки и винтовки.

Ротный повел Володю с собой, а меня сопровождал старшина. На поле метрах в двухстах от сгоревшей мельницы человек 14 красноармейцев саперными лопатками и топорами рубили мерзлую землю, расширяя и углубляя стрелковые ячейки.

Не знаю, как знакомился со своими подчиненными Володя, а я, представившись, переписал всех своих в записную книжку и, сбросив тощий вещевой мешок, тоже взялся за лопату.

Испытание на прочность

Фашистская разведка попыталась проникнуть в наше расположение на следующую ночь. Гитлеровцев успешно отбили. На нейтральной полосе осталось несколько трупов в белых халатах.

С Володей мы встретились на следующее утро перед рассветом у кухни, доставившей завтрак. Оказалось, что именно его взвод дежурил в ту ночь по обороне. Наполз туман, но пулеметчики первого взвода все-таки заметили фигуры в маскировочных халатах и открыли по ним огонь. Противотанковая болванка снасла голову переднему гитлеровцу. Лишь немногим удалось уйти.

Володя был возбужден первым успешным боем. Он с восторгом говорил о своих подчиненных, хотел писать о них в армейскую газету.

В обороне на этом участке мы стояли с неделю. В это время Володя сообщил:

Милая мама! Шлю вам горячий фронтовой привет. Я здоров, командую взводом. Это хорошие ребята, на девяносто процентов во взводе подобрались русские. Во взводе есть один татарин – замечательный человек. И вообще наша часть отличная. Немцев она била, гнала и бьет прямо по-стахановски.

Видно, здесь на фронте придется и новый год встречать. Это неплохо. Понимаете, когда чувствуешь в бойцах грозный наступательный дух – сам рвешься вперед, делаешь смелее, сильнее.

В эти дни наши войска вели упорные бои с танками Манштейна, стремившимися прорваться к окруженной под Сталинградом вражеской группировке. И нашим воинам удалось не только сдерживать натиск, но и самим перейти в наступление.

26 декабря бригада сдала свой участок обороны 87-й стрелковой дивизии. Мы получили приказ наступать на хутор Шебалин. Нелегким был этот бой. Но хутор мы взяли и двинулись вперед.

28 декабря Володя писал:

Ребята, с которыми мне приходится воевать, очень хорошие. С ними не пропадешь. Тосковать некогда. Как вы знаете, наши части снова победно продвигаются вперед.

А потом были бои за Котельниково, Зимовники, Маныч.

С Володей мы встретились где-то в районе хутора Ильичева в начале 1943 года. На щеке у него темнела примороженная кожа. Морозы в те дни становились все крепче, а спали мы (если вообще удавалось постлать) прямо на снегу. И никакая простуда не брала. Правая рука у него была на перевязи.

– Где и чем тебя зацепило?

– Глупо получилось. Мина попала в перекрытие землянки. Бревном немного придавило руку. В медсанбате смазали чем-то, перевязали, но пальцы опухли и не сгибаются.

Высокий, склонный к полноте, он был в новеньких валенках и с автоматом на груди. (Все это вскоре выдали нам). Уши шапки были подвязаны наверх и из-под нее виднелись светлые отросшие волосы. Они слегка вились.

– Может все-таки лучше несколько дней отлежаться в санбате?

– Ты что, не знаешь, сколько народу осталось во взводах? Каждый боец на счету, а тут командир уйдет. Нет, нельзя. Ноги-то у меня здоровые.

Да, потери у нас были значительные. У меня оставалось человек 12. Не лучшее дело обстояло и в соседних взводах. Я это знал. И не нашел, что можно было бы возразить другу. Так под Зимовниками в начале января 1943 года мы расстались с Володей. Он остался в моей памяти с перевязанной рукой, но бодрым, настроенным оптимистично.

Меня ранило 15 января во время атаки в деревне Красное Знамя. По пути в госпиталь встретил нашего батальонного санинструктора Ивана Гурина. От него-то и узнал кое-что о Володе.

Сходу нашим частям взять Зимовники не удалось. Противник потеснил наши войска, овладевшие окраиной станции. На рассвете командование бригады решило предпринять новую атаку. На немногие уцелевшие танки посадили десант. Потери в стрелках были очень большими. Поэтому их усилили взводом, которым командовал Володя. Гурин видел его перед атакой. Рука у него вздулась, стрелять он не мог. И все-таки командир взвода отказался идти в санчасть, пообещав навестить медиков после боя за Зимовники.

В тот день наши танки прорвались на станцию. Гитлеровцы подтянули резервы. Им удалось отрезать часть бойцов бригады. В этом бою сам санинструктор был ранен. Что стало с Володей – он не знал, но очень сомневался, смог ли тот с большой рукой пробиться к своим.

Гурин ошибся.

Лет двадцать назад в магазине «Воснная книга» я услышал знакомый голос:

– Эту книгу отложите. И эту тоже.

Это был фрунзевец Костя Новиченко. Он-то и рассказал, что встретил Володю Ефименко весной 1943 года. Из госпиталя он ехал снова на фронт.

Но младший лейтенант Ефименко все-таки прорвался из окружения. Рука не проходила. Его отправили в госпиталь. Вот что он писал:

17 января 1943 г. Я жив, только правая рука на перевязи и в гипсе. Поэтому пишу левой рукой. Дьявольски неудобно, хотел попросить кого-нибудь. Да вы тогда подумаете: вот, и встать не может. А у меня всего-навсего рука болит. Сейчас нахожусь в медпункте, жду санпоезда для отправки на лечение. Пишу на фрицевской бумаге и во фрицевском конверте. Они остались от последнего нашего наступления.

31 января. Милая мама, ура! Вы сами видите, какой успех. Я пишу правой рукой. Боль еще ощущается немного. Рана постепенно заживает. Еще две недели – и выпишусь из госпиталя. Беспокоиться вам не стоит. А пока целыми днями лежу, отсыпаюсь за бессонные ночи, вспоминаю прошлое. Раньше для этого не было времени.

3 февраля. Чувствую себя хорошо. Рука действует отлично, а ведь был момент, когда ее хотели ампутировать, боясь заражения крови. Теперь я дожидаюсь, когда затянется ранка. А сегодня я вместе со всеми радуюсь

концу военных действий под Сталинградом. Закончили без нас, но начинали и мы, и я очень горжусь этим. Буду жив-здоров, после войны напишу хорошую повесть, которую назову «Наш путь».

11 марта. Ст. Гмеленка. На днях выписываюсь из госпиталя. Иногда удается зайти в здешнюю библиотеку и кое-что почитать. Сами понимаете – для меня это великое наслаждение. Помаленьку работаю над повестью, пока очень много времени свободного.

5 апреля. Сегодня я уезжаю из госпиталя. Впереди много трудного и интересного. Снова начинается жизнь на колесах. Но я доволен тем, что начинаю мерять землю уже весной, а не по зимнему снегу.

27 апреля. Новочеркасск. Природа здесь хорошая. Много деревьев, декоративных и фруктовых. Сами понимаете, как это приятно после астраханских, калмыцких, сальских и донских степей.

Рыбы тут много. Хоть Дон выручает много выстрадавших жителей. Деревья цветут, в воздухе аромат. Солнце, очень тепло и тихо. В поле сотни жаворонков и сусликов, которые стоят столбиками. Эх, жить бы, да жить!

5 мая. Ворошиловград. Ночую на окраине города. Природа здесь замечательная. Немец тут хозяйничал мало. Беленькие уютные домики, за каждым вишневый или сливовый сад. Деревья стоят в цвету, белые-белые.

12 мая. Ухожу в часть. Ребята у меня хорошие, боевые, гвардейцы. Есть и моряки. Меня уважают (по их словам) за справедливость и культуру общения. Живы будем – не помрем, Гитлера прикончим. Такая здесь поговорка.

17 мая. Целый день следим – не покажется ли фриц. А покажется – на мушку его.

27 мая. Блиндаж у нас теплый... Тут сравнительно тихо. Идет только перестрелка. Ничего, скоро и от нас побежит фриц.

7 июля. (Из письма к сестре). Уже третий год, как длится наша разлука. Я теперь, Леля, во многом изменился. Даже сам замечаю это. Только теперь начинаю понимать, как много дала нам наша Родина. Мы не всегда умели это оценить.

Вчера после обстрела я зашел в один дом. Когда-то в нем жили люди. Теперь они эвакуировались. Остался хороший комод с вывернутыми ящиками и гардероб, которому кто-то проломил дверцу. На полу разбросана всякая утварь, тряпье, вещи. Так бывало, когда хозяева перебирались на новую квартиру. Но здесь это чувство ужасней. Больно и горько смотреть. Проклятый фашист!

А соседи не уехали, и маленькая девочка бегает в сад, рвет вишни. Ее семья живет в землянке, а сюда ежедневно падают снаряды, мины, бомбы. Пожалуй, все это трудно прочувствовать, не видя собственными глазами. Ну, ладно. Посмотрела бы ты, как дают жару фрицу наши «катюши».

Я здоров и даже урываю минуты писать, как это ни трудно. В моей литературе я чувствую себя счастливым и сильным. Но чтобы писать и свободно думать, прежде всего нужно гнать фашиста. И мы будем его гнать!

Письмо сестре было последним, полученным его родными. Потом пришло официальное извещение.

«Ваш сын – командир стрелкового взвода гвардии лейтенант Владимир Андреевич Ефименко, проявив героизм и мужество в боях за социалистическую родину, был убит 17 июля 1943 г. Похоронен на западной окраине балки Редькина Успенского района, Ворошиловградской области».

О многом мечтал Володя. Он хотел стать моряком и образованным человеком, повидать мир и закончить Литературный институт, написать книжку о своем поколении и сделать для Родины что-то большое, достойное памяти человека. За свои девятнадцать лет он успел лишь стать солдатом.

В архиве удалось найти подшивку фронтовых газет 50-й гвардейской стрелковой дивизии, в составе которой воевал В.А.Ефименко. В ней оказались опубликованными его последние стихи.

Снова ночь, и снова звезд паденье.
Гулкий, страшный спит передний край.
Это так – ненужное вступленье.
Я его коснулся невзначай.
А писать нам некогда, Галина.
Каждая минута дорога.
Ночь кромсая, лопаются мины,
Поражая рубежи врага.
Ты меня теперь бы не узнала.
Повзрослел и необычно строг.
Мы прошли в боях уже немало
Порохом задымленных дорог.
Новый день. И снова в бой, Галина.
Долго жить еще в разлуке нам.
Но придем мы к солнечным вершинам,
К заливному днепровским берегам.

В той же газете был опубликован очерк Володи о снайпере из Самарканда Э.Усманове. Газета напечатала его в день гибели автора.

Жизнь, оборвавшаяся в девятнадцать лет. Сколько их, молодых, сильных, способных унесла война? Одним из миллионов этих юных солдат был Владимир Ефименко. Не розовым было его детство. Трудно было всей стране. И он старался преодолевать трудности, готовился к будущим боям. Книги помогали проложить верный курс. Учителя, которые «философствовали» о людях, живущих не узкими интересами, а ради других, учили юношу жить, образы Данко и Кутузова, матросов революции из Кронштадта и Катюся Калиновского помогали формированию характера.

И пусть не удалось разыскать последних записей Володи, не удалось установить подробностей его гибели, в одном я твердо уверен : под Ворошиловградом, как и в Сальских степях, девятнадцатилетний комсомолец сдержал слово, данное Родине.

МОРЯК ИЗ ГРУППЫ «МАКСИМ»

На 335-м километре железной дороги Сальск – Волгоград, близ станции Пролетарская, подставил грудь буйным степным ветрам семиметровый обелиск. На нем – пятнадцать фамилий. Это погибшие в декабре 1942 года партизаны из диверсионной группы «Максим».

Взгляд останавливается на третьей строке : «В.Я.Солдатов, 1921 года рождения, заместитель командира группы по разведке». Да, это Владимир Солдатов – мой товарищ, однокурсник по Высшему военно-морскому училищу им. М.Ф.Фрунзе. Правда, есть в надписи на обелиске одна неточность. Родился

Солдатов на два года позднее. А прибавил он эти два года для того, чтобы его взяли в группу.

Володя, Володя, вот как далеко от берегов Невы, где мы познакомились, довелось мне встретить твое имя и узнать твою судьбу.

Не скажу, что были мы близкими друзьями, но все-таки встречались частенько.

Август 1941 года. Наше училище готовится к эвакуации из Ленинграда в Астрахань. Во дворах готовят к вывозу лабораторное оборудование. В картинной галерее сиротливо смотрят на курсантов пустые тяжелые рамы. Знаменитые картины, принадлежащие кисти лучших маринистов России, кажется, впервые покинули свои привычные места. Фашисты рвутся к Ленинграду. Поэтому курсантов досрочно вернули из лагеря, переодели в пехотную форму и в составе морской бригады направили в район Копорья.

Мы охраняли тылы прифронтовой полосы, патрулировали на дорогах, вылавливали вражеских лазутчиков. В один из дней меня назначили в патруль вместе с курсантами нашей роты – Солдатовым, Янушевским и Лаврищевым.

Службу несли вдоль дороги на Копорье.

Остановили полторку ополченцев. В ее кузове на сене лежало трое раненых во время бомбежки. Проверили паспорт у бойкой бабки. Она везла на подводе двоих внуков. И так час за часом – проверка документов, осмотр машин и повозок.

Перед сумерками дорога как-то сразу опустела.

Проходило время смен. Патрульные закурили, предвкушая близкий отдых. В это время на тропинку возле дороги вышел человек. Он шел от передовой в тыл. Что-то в его поведении Солдатову показалось подозрительным. Приказав Янушевскому и мне укрыться в кустах и пропустить незнакомца, Солдатов прошел вперед.

Человек был в серой кепке и стареньком пиджаке. Мы вышли на тропинку, когда Солдатов скомандовал:

– Стой, руки вверх!

Незнакомец повернулся назад, собирался бежать, но тут увидел нас. Он сказал, что живет в деревне Воронино, а сейчас ищет пропавшую после бомбежки корову. Потертый паспорт, который мы внимательно осмотрели, не вызывал подозрений.

– Пойдешь с нами, – решил Солдатов.

– Я же говорю: корова убегла. Дома мать хворающая да сестренка. Батяка и старший брат на фронте, без коровы как же нам?

Звучало это довольно убедительно. Будь я старшим, наверное, отпустил бы человека. Но Солдатов поступил иначе. Он заломил незнакомцу руку, рванул полу пиджака и сорвал подвешенный на перевязи пистолет. (Позднее Всеволод Солдатов, младший брат моего товарища, вспоминал: «Владимир увлекался борьбой, дома разучивал различные приемы и проверял их на мне»).

Пойманного лазутчика мы доставили в штаб.

У меня сохранился маленький дневничок той поры. Вот запись за 26 августа 1941 года: «Сегодня на горизонте снова два больших зарева. Одно в районе Кингисеппа, второе – у Котлов. У Котлов особенно сильное. Самолеты сбрасывают осветительные бомбы. Звучат выстрелы. Вчера из соседней деревни приходил старшина. Фашисты выбили их так внезапно, что из

трех заминированных объектов они успели взорвать лишь один. Старшина пришел за подмогой и ушел с двумя нашими курсантами в тыл к врагу, чтобы подорвать заминированное. Молодец!»

О подробностях этой вылазки в тыл врага я узнал позднее – от самих ее участников. Командир батальона выделил в распоряжение старшины курсантов Солдатова и Янушевского. Видимо, основную роль сыграли их физические данные. Возможно, случай с вражеским лазутчиком тоже повлиял на выбор.

Требовалось взорвать заминированные старшиной водокачку на железнодорожной станции и мост по дороге на Красное Село. Наиболее важным объектом старшина считал водокачку. Наша диверсионная тройка благополучно перешла линию фронта, но подобраться к водокачке никак не удавалось – станция сильно охранялась. Несколько раз моряки попадали под обстрел. Наконец настойчивому старшине удалось достичь водокачки. Но оказалось, что фашисты обнаружили тол и убрали заряд. Удачнее получилось со вторым объектом. Моряки сумели скрытно подойти к мосту и взорвать его.

Когда положение на фронте под Ленинградом стабилизировалось, курсантов возвратили в училище. А потом нас эвакуировали в Астрахань. В августе 1942 года, в дни ожесточенных боев у Сталинграда, весь наш курс перевели на обучение общевойсковому бою. Вскоре командирами стрелковых взводов мы отправились в действующую армию.

Правда, не было с нами ни Владимира Солдатова, ни Юрия Янушевского. Они добились назначения в штаб партизанского движения.

Отремела война, вернулись в училище с фронтов немногие уцелевшие с нашего курса. Но никто не мог сказать, как сложилась судьба наших товарищей, ушедших в ряды народных мстителей. Поиск сведений об однокурсниках привел меня в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Здесь я впервые нашел документальное подтверждение, что оба мои товарища действительно были в партизанских диверсионных группах помощниками командиров групп по разведке. Оба в составе групп ушли в конце 1942 года на задание. Оба числились пропавшими без вести.

Вот что удалось почерпнуть из скурых строк партизанских донесений о Владимире Солдатове. Он был зачислен в группу старшины Л.М.Черняховского. Эта группа получила кодовое название «Максим».

Советское командование предполагало, что в период решающих боев за Сталинград противник будет интенсивно использовать железную дорогу Сальск-Сталинград. Поэтому незадолго до нашего контрнаступления, через Волгу были переправлены две диверсионные группы для нарушения этой коммуникации. 3 декабря 1942 года группа «Максим» вышла в заданный район и по радио получила приказание действовать. В это время с Северного Кавказа начали подходить эшелоны, направляемые гитлеровским командованием для создания деблокирующей группировки. Группа «Максим» заминировала железную дорогу и подорвала головной эшелон эсэсовской дивизии «Викинг». Не ограничиваясь этим, партизаны обстреляли гитлеровцев. Это было их ошибкой. В ночной степи они вполне могли укрыться от фашистов, но предпочли неравный бой.

Определив, что они атакованы небольшими силами, гитлеровцы выделили для уничтожения партизан стрелковую роту. Неравный бой для партизанской группы был ее первым и последним боем. Часть группы погибла, а остальные, главным образом раненые, были схвачены эсэсовцами. Тут же, в ночной

степи, под лучами прожекторов с эшелона, на глазах сотен вражеских солдат состоялся допрос пленных.

Матерый фашист Петер Нойман, чья рота вела бой с партизанами, рассказал об этих событиях в мемуарах «Черный марш». Вот как, по его словам, происходил допрос советских патриотов, раздетых, связанных, брошенных на снег. Первый из допрашиваемых молчит. Тогда дается знак эсэсовцу. Тот, поняв с полуслова, выхватывает кинжал и, наклонившись, приставляет острие к горлу русского:

– Это ты понимаешь?

Русский не отвечает ни слова. Он даже не шевелит губами.

– Прирежь его! – кричит Штресслинг, потеряв терпение.

С секунду эсэсовец колеблется, взглядом ищет подтверждение приказа и в следующую секунду вонзает кинжал...»

Приходит очередь допроса следующего. Тот тоже молчит. И вновь офицер подает знак эсэсовцу, на этот раз огнеметчику. Он отходит на несколько шагов. Сигналист двум эсэсовцам, охраняющим пленного, чтобы те ушли с дороги... Могучая струя огня с ревом вырывается из огнемета.

Уничтожены двое, а остальные продолжают молчать. Понимая, что их все равно не сломить, а кровавый спектакль в степи оборачивается не в пользу его устроителей, да и эшелон уже стоит два часа, эсэсовцы расстреляли остальных.

Героическая группа «Максим» ценою жизни выполнила боевое задание. Поврежденный ею эшелон на несколько часов задержал движение поездов. По образовавшейся пробке нанесла удар наша авиация. С этого начались непредвиденные гитлеровским командованием задержки, которые в конечном итоге привели к переносу сроков начала наступления деблокирующей группировки.

Многие факты из истории группы «Максим» установил писатель О.Горчаков, издавший повесть о партизанах. Однако мы пока не знаем, как погиб Владимир Солдатов. Пал ли он в бою, заколот ли фашистским палачом, сожжен ли из огнемета. Но совершенно очевидно, что сын моряка-подводника, курсант, которому война помешала пойти по стопам своего отца, партизан, он, как и его товарищи, с честью выполнил свой долг.

Стоит у железной дороги Сальск – Волгоград скромный обелиск. Символом долгой жизни героев он возвышается над степью, напоминая новым поколениям о подвиге отважных. Золотом горит надпись: «Они шли на смерть, обрели бессмертие».

СТРОКИ СУРОВЫХ ЛЕТ

Эта старая записная книжка настолько ветха, что ее приходится заворачивать в целлофан. Иначе потертые, выдавшие виды корочки совсем развалятся и можно растерять выползающие страницы. Даже при беглом взгляде понятно, что ей в свое время изрядно досталось. Сверху по коркам протянулся рваный шрам, словно зацепило их осколком. А нижний угол корочек обожжен.

Это записки моего однокурсника по Высшему военно-морскому училищу им. Фрунзе. С волнением раскрываю первую страницу. И оживают суровые военные дни, фронтовая молодость, боевые товарищи.

Книжка открывается видом Ленинграда: полноводная Нева и тяжелый мост над ней, устремился в небо шпиль Петропавловской крепости. И тут же примета того года: поднятые над городом аэростаты заграждения.

Записи сделаны в книжке мелко, убористо, чаще всего чернилами, иногда карандашом. И начинаются они так:

«Сегодня 27.10.41г. решил коротко описать события моей жизни, начиная с выпускного вечера в школе и до того дня, когда кончится последняя страница этой книжки. Я не буду следить за стилем, а постараюсь писать правдиво и коротко».

Так в заблокированном Ленинграде осенью 1941 года начал свои записки москвич Юрий Никитченко.

Немало испытаний выпало на долю нашего курса. Когда фронт начал стремительно приближаться к Ленинграду, занятия в училище прекратились. Нас направили в морскую курсантскую бригаду. Мальчишки, впервые оторванные от дома, у Копорья получали первый фронтовой опыт, становились солдатами.

Юрий стойко переносит все трудности. В своих записях он пишет не только о положительном, не забывает и о недостатках.

«Август 1941 г. Вместе со мной минометчиками стали Власов, Вешкельский, Ржанов. В штаб привезли четыре немецких миномета. Командиром минометного взвода назначили лейтенанта Рыбакова, человека исполнительного, но знающего миномет не лучше нас. Младший сержант Тютюнников взял бразды правления в свои руки, хотя миномет видел тоже впервые. Разбили взвод на расчеты по четыре человека в каждом. Распределили номера: Власов – наводчик, Вешкельский – заряжающий, Ржанов – плита, я – подносчик мин. Минометы низенькие, сделанные в Германии, калибр 80 мм. Наш комбриг дал неделю времени для изучения. Тренировались в наводке, переноске, разборке и сборке. Через два дня все делали за две минуты. В конце недели – стрельбы. Собралось все командование. Щиты поставили на четырехста, восемьсот и полторы тысячи метров. Несколько раз проверили правильность расчетов по таблицам. Особенно взволновался представитель особого отдела. Он явно трусил, и когда комбрига вызвали к телефону, он командовал:

– Отойдите от миномета, там опасно.

Комбриг разрешил начать стрельбу. Заряжающий опустил мину в ствол, быстро присел. Все легли и замерли.

Пафф! Облачко бурого дыма поднялось, и все. Мы приподняли головы: через пять-шесть секунд слышим нарастающий свист, он перешел на визг, и наконец – в вой! Мина падает на нас! Представитель особого отдела бросился за сарай и упал на землю. Все прижалось к траве, втянули головы. Раздался взрыв, и мы увидели столб земли и дыма у самого щита в четырехстах метрах от нас. Потом стреляли много. С четвертого выстрела накрыли щит на восемьсот метров. Ходили смотреть места разрывов. На земле небольшая воронка два-три метра диаметром, а осколки летят от двухсот метров. Комбриг похвалил нас. С той поры мы стали настоящими минометчиками».

В сентябре курсантов вернули в училище, чтобы продолжать занятия. Началась блокада Ленинграда. Надвигающийся голод, обстрелы и бомбежки мешали нормальной учебе. Нужно было дожидаться морозов, чтобы по льду Ладожского озера уйти из осажденного города, и в Астрахани, куда эвакуировались училище, продолжить занятия.

Из писем родителям:

«15.11.41г. Дорогие мои, папка и мамка! Прошло более четырех месяцев, как я покинул отчий дом и пустился в странствия по союзу. За это время я испытал много лишений, много узнал и увидел, многому научился. Нашел себе хороших друзей, столкнулся с подленькими людишками. Привык к твердой армейской дисциплине, распорядку дня. Позади осталось самое счастливое время. В училище мы всем обеспечены. Правда, с учебной обстоит дело неважно, но и с ней намерстаем. Несем патрульную службу в городе. В Ленинграде образцовый порядок. Никакие налеты не сломят духа ленинградцев. Я успел полюбить Ленинград, как свою Москву. Его широкие улицы, памятники, мосты и набережные – все стало таким родным и знакомым. Мне служба дается легко, к воинской дисциплине привыкнуть не трудно.

21.11.41 г. У нас все нормально. Начались регулярные занятия. И первые лекции меня страшно увлекли. Особенно физика и математика. Легко даются основы марксизма-ленинизма, навигация и, конечно, английский. Я один в классе изучал его раньше. Преподаватели у нас замечательные, и мне теперь ясно, что мое «обожание» физики и математики происходило из-за плохого преподавания этих предметов в школе. Только что выступил на семинаре по истории партии. Говорил о борьбе Ленина с легальными маркссистами. Ответом своим доволен. Так проходят дни в осажденном городе – спокойно, уверенно, в полной готовности в случае надобности выступить на его защиту».

Наступили морозы. Нас решили эвакуировать в Астрахань. Переход по льду Ладоги, продолжавшийся почти сутки, был очень тяжелым. Более шестидесяти километров шла колонна фрунзевцев. Ночью сбились с пути и направились к Шлиссельбургу. Только с помощью лыжников удалось взять правильное направление.

«12.01.42 г. Астрахань. Невозможно описать все, что пришлось пережить за это время. Даже сейчас не могу вам рассказать о переходе и виденном. Главное, что всем испытаниям пришел конец. Мы снова в нормальной обстановке принимаемся за учебу. Я здоров, но безумно устал. Месяц перехода измотал. Но это только физическая усталость. Нас здесь встретили, как больных в санатории: обмыли, побрили, переодели, накормили и теперь мы отсыпаемся».

Недолго продолжалась наша учеба в Астрахани. Занимались напряженно. Прошли весь теоретический материал первого курса. Вместе с весной подошла корабельная практика на Каспийском море. Как только вскрылась Волга, в начале апреля нас доставили в Баку на корабли Краснознаменной военной флотилии.

Из записок Ю.Никитченко:

«05.04.42 г. Пишу на палубе корабля «Н».

(Сейчас уже можно назвать этот корабль. Это был старенький учебный корабль «Правда», на котором стояло два зенитных орудия да несколько пулеметов. Но для нас, курсантов, это был наш первый боевой корабль. И хотя он не отличался новизной и был предназначен не для боя, а для обучения флотской молодежи, все равно мы гордились им. – Ю.Ч.).

Стоим на рейде Махачкалы. Погода восхитительная: теплый ветер, зеленая поверхность моря, чайки и снежные горы, склоны которых уже покрыты зеленью. Сегодня ночью стоял первую вахту. Не в силах передать мое

восторженное состояние. Его нельзя сравнить с прогулками по Черному морю. Теперь я сам участвую в корабельной жизни и потому похож на юнгу, строящего из себя морского волка. Я не ошибся – романтики в морском деле масса. Привет вам с шаткой палубы. Кончаю, бегу зарисовывать берега.

25.04.42 г. На корабле чувствую себя, как рыба в воде. Отстояли штурманскую вахту с 24 до 4 часов. Называется она «собачьей», но для нас прошла легко. Погода тихая, вести прокладку интересно. С каким волнением каждый раз ждешь появления маяка. Определившись по его огню, видишь, верно ли ты вел свою прокладку.

07.05.42 г. Ма и па! Представляете такую картину: ночь, море беспокойно шумит, бортовая качка и неумолкаемый шум машин. Вокруг ни огонька. Я стою на штурманской вахте и веду прокладку. Мы в открытом море вне видимости берегов. Моя задача сводится к ежечасному нахождению места корабля по нашему курсу. Свободного времени мало, а плавание подходит к концу. Несколько раз изрядно трепал шторм. К моей радости меня ни разу не укачало. Погода стоит хорошая, все загорели. В час отдыха ходим в трусах. На корабле идеальная чистота. Жизнь моряка проходит на чистом морском воздухе. Не ожидал, что Баку такой красивый город. Он поражает своей величиной. Куда ни посмотришь – всюду нефтяные вышки. Много мечетей. Дома с плоскими крышами, мавританский стиль и огромные корпуса современных зданий. Улицы то ползут вверх, то обрываются круто к бухте.

15.05.42 г. Наше плавание близится к концу. Закончились зачеты. Часто вечерами собираемся на полубаке, попыхиваем самокрутками и вспоминаем прошедшие дни. Лучше морской профессии нет ничего на земном шаре.

25.05.42 г. Мы много ходим на шлюпках, загорели и окрепли. Под парусами мне нравится ходить еще больше, чем на скутере. На нашем корабле есть подвесной моторчик, и я часто копаюсь в нем. Могу похвалиться: по навигации получил «отлично». Последнее время увлекаюсь шахматами, получается неплохо. Практика прошла живо, увлекательно и с пользой, а впереди еще два месяца на Волге.

03.06.42 г. Дорогой папка! Вчера окончился первый период нашей практики, и мы снова за партой, еще не успев привыкнуть, что под ногами ничто не качается. Астрахань за эти два месяца стала неузнаваемой. Все училище утопает в зелени, цветет и благоухает белая акация. Папка, я очень рад за тебя и горжусь тобой. Ты все время подаешь мне пример настоящей полезной работы в любых условиях. Вот и сейчас хочу спросить у тебя совета. Дело в том, что твой сын достаточно вырос и уже работает головой, поэтому может быть полезным партии. Я думаю, подошло время подать заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б). Об этом иду говорить с комиссаром курса, а тебя прошу сообщить свое мнение. Скажи откровенно, считаешь ли ты меня подготовленным к такому шагу?»

«25.08.42 г. Дорогой папка! 5 октября нас выпускают лейтенантами, и мы отправимся на фронт. Таков приказ Родины, приказ Сталина, и я с радостью выполняю его. Будем общевойсковыми командирами. А после войны мы все вернемся в свое любимое училище. Ходим в армейской форме, но на зеленом рукаве блестит золотой якорек. Папка! Я думаю, ты будешь рад за меня и гордиться возложенным на нас заданием.

Хорошо бы попасть в морскую бригаду. Об училище Фрунзе мы все время думаем, часто говорим, лелеем надежду вернуться к морю».

«01.09.42 г. Даю короткую хронологию за прошедший месяц. События у нас большие. 10 августа мы покинули училище, чтобы пройти пехотную переподготовку. До этого сдали пять экзаменов, а последний – не успели. Хотели нас выпустить главстаршинами и направить на катера, но пришел новый приказ. И вот 10 августа сводная колонна моряков вышла в город. Как мы пели тогда наши любимые морские песни! Пели «Цусиму», пели нашу «Ты прости нас, любимое море, что пришлось нам покинуть тебя!»

Училище эвакуировалось. Нас перевели в особый 159-й морской полк при командующем Сталинградским фронтом. Пять дней ждали отправки на фронт, и вот новый приказ – направить во Второе Астраханское училище, срок занятий 45 дней, а потом лейтенантами пехоты на фронт. Сейчас мы недалеко от Астрахани, в Тинаках. Нас переодели в пехотную форму. «Только мы бескозырки не сняли, и не сняли тельняшки своей».

Враг близко, и теперь в первую очередь нужны командиры пехоты, но как бы мы дрались все вместе!»

Из писем Ю.Никитченко:

«07.11.42 г. Сегодня я кончил курсы переподготовки комсостава и стал лейтенантом-артиллеристом. Хлопотать за меня не надо. Будем надеяться, что после войны я вернусь на флот, а сейчас будем здесь бить гадов. Ребята со мной все те же – замечательные. Якоря на рукаве, морская бляха и тельник – неразлучно с нами. По вечерам поем «Цусиму» – она наша любимая песня, а когда расхулиганимся – «Ривочку»(с ней севастопольцы ходили в бой!).

(Дальше письма пошли без конвертов и марок, фронтовые треугольники с надписью «Воинское».)

18.11.42 г. Я все еще не получил назначения в часть и отдыхаю в Астрахани. По вечерам ходим в кино и на танцы. Погода испортилась – слякоть, моросит дождь. Посылаю свою новую «морду». Сфотографировался, когда был в морской бригаде и ходил, как анархист из фильма «Пархоменко». А теперь одеты мы так: тельник, гимнастерка с черными петлицами, якорь на рукаве, флотский ремень с бляхой, бриджи и сапоги. Вообще моря из нас не вытравишь.

21.11.42 г. Получил назначение офицером связи при начальнике штаба 28-й армии генерал-майоре Рогачевском. Паром едва тащился через Волгу. Вместе со мной мои товарищи М.Сизов, Л.Косых, Ж.Григорьев, А.Басалаев, Швидко и Ильченко.

25.11.42 г. Четверо суток скитались по фронтовым дорогам. Немцы выбиты из Красного Хулука и сейчас в Яшкулье. 20 ноября началось наше контрнаступление под Сталинградом. Прорыв на 100 км. Я с 30 ноября на Сталинградском фронте. Попал в 34-ю гвардейскую дивизию в 107-й стрелковый полк. Им командуют Губаревич, наш командир батальона Овчинников.

(Дальше страница записей потеряна.)

Впереди Яшкуль, Улан-Урге, Элиста, Ростов. До какого из них дойду, сказать трудно, но мы еще поборемся! Завтра иду в засаду в тыл к фрицам. Язык нужен штабу армии. Или вернусь с языком, или дорого отдам свою жизнь. Люблю жить, а не существовать. А сейчас жить – это значит бить фрица. Если буду цел продолжу записки. Чего бы я хотел? Хотел бы раз побывать дома, рассказать па и ма, как я жил и боролся, а потом можно и снова в бой, к своим гвардейцам, сражающимся за Родину. Заявление в

члены ВКП(б) уже подал. После боя – прием. Целую крепко, папка, тебя и тебя, моя мамка! Краснеть вам за меня не придется.

26.11.42 г. Па и ма! Наконец-то я на месте – в рядах воинов Сталинградского фронта. С гордостью и радостью сознаю, что есть в наступлении и моя доля участия в этой борьбе за Родину. По газетам вы теперь можете судить об этом. Надеюсь, мой адрес теперь каждый день будет удаляться от вас на запад. Сейчас отдыхаю в теплой землянке, да и на улице еще не холодно. Стоит теплая снежная погода. Из моряков я здесь не один – нас здесь семь человек, все мои друзья. Труд офицера увлекает своей новизной. Главное, что сразу сказываются результаты. В нашей части много москвичей, что также мне по душе. Папка, я научился делать кубики из консервной банки, фетра и слюды. А тебе такие ромбы не надо? Ну, будьте здоровы. За обедом поднимает по двести граммов за нашу скорую встречу.

09.12.42 г. Вот уже несколько дней как я командую первым взводом 8-й роты 107-го гвардейского стрелкового полка. Занимаем оборону в 10 километрах от Яшкуля. Миша Сизов – командир второго взвода. Командир роты Лозовой – хороший дельный парень. Наша высотка пристреляна, и чуть высунешься, обрушивается шквал мин и снарядов. У меня во взводе много русских бойцов. Сегодня нас засыпали минами. Осколки на излете били мне по шапке и по шинели. Настроение бодрое, хотя сидим под снегом. Начались морозы. Хлеб приходится рубить топором.

10.12.42 г. Погода паршивая, моросит дождь. Сегодня ночью ходил за языком. Никого не привели. Фрицы всю ночь бросают ракеты, ведут минометный обстрел.

Это запись на последней странице книжки. Самая последняя и короткая же на корочке:

13.12.42 г. Сегодня ночью был в разведке. Во время контратаки убит Мишка Сизов.

Из писем родителям:

18.12.42 г. Эту писульку пишу лежа в окопе среди обширных степей Калмыкии. Писать могу редко, да и письма идут месяц. Одет тепло: ватные брюки, телогрейка, свитер, теплые штаны, валенки, шерстяные носки, перчатки (есть и сапоги). Морозы здесь редкие. Зима пролетит незаметно. О питании и говорить нечего, а водку получаем, как гвардейцы по 300 граммов. Фрицев мы бьем по чем зря. Скоро дойдем до Элисты, а после пойдут села и города. Веселей будет воевать. А здорово получилось – я гвардеец! Кто бы мог подумать, что Юрка, который не любил пенки и жир, вдруг станет гвардейцем! Как добьем этих вшивых арийцев, приеду домой и буду рассказывать две недели подряд, а за обедом с отцом пропустим гвардейские и мамка будет уговаривать нас не буяннить. Пишите по адресу ППС 2142, часть 323.

Гвардии лейтенант Юрка

На фронте наступающая сторона несет большие потери. Особенно велики они среди командиров стрелковых взводов и рот. Пройдет неделя-другая и уже нужно менять погибшего или выбывшего в госпиталь товарища. Юрий Пикигиченко не составил исключения.

14.01.43 г. Астрахань. Дорогие ма и па! Как не хотелось мне огорчать вас телеграммой о ранении. Но цель у меня другая. Я думаю, что это единственная возможность нам встретиться. Я ранен в ногу и руку. Раны сущие пустяки и извлечение осколков я перенес очень легко. Но заживать эти дырки будут долго – месяца три. Кости не повреждены, и скоро я снова буду танцевать фокстроты. Больше меня волнует ваше родительское воображение. Все уже прошло, ранен я 28.12.42 г. и теперь можно спокойно ждать полного выздоровления. Врачи и госпиталь N1796 (ул. Ильича,6) хорошие. Друзья есть и здесь. Каракули – потому, что пишу лежа. Ну прошу вас, не волнуйтесь, будьте гвардейцами.

28.01.43 г. Сегодня мне двадцать лет. Как ни грустно, а я сижу все в той же скучной Астрахани, вдали от вас и даже не имею возможности как следует отметить этот день – в госпитале дают по 50 граммов рислинга. Чувствую себя замечательно. Две раны окончательно зажили, остальные недели через две тоже затянутся. И тогда только буду набирать силы и копить жирок. Все раны в мягкие ткани ног и рук, действую конечностями я нормально и скоро буду ходить. Сейчас лежу в госпитале 1589 на Советской улице 23/11. На отпуск надежды мало, ну и провалялся я здесь порядочно. Врачи хорошие. Меня лечит Софья Сергеевна – москвичка. Лежу в палате комсостава, здесь ребята из моей дивизии. Есть и друзевцы. Вообще, беспokoиться обо мне нечего».

Не очень веря в оптимистические письма сына, отец по своим каналам попросил навести справки о его здоровье.

Из письма военюриста 3 ранга Зуйкова диввоенюристу И.Т. Никитченко: «1 февраля 1943 года я выяснил состояние здоровья Вашего сына Юрия. Юрий ранен 28.2.42 г. в боях за Яшкуль осколками мины. Первый попал в мягкие ткани левой ноги выше колена. Осколок извлечен из бедра. Второй попал в мягкие ткани правой ноги. Затем ранило кисть и предплечье левой руки. Осколок прошел кисть между костями, рана на правой кисти зарубцевалась. Кости нигде не повреждены. Самочувствие у Юрия хорошее, процесс заживания ран идет нормально. Врач Глебова полагает, что он скоро будет ходить. Как только раны заживут, он будет направлен в часть. Юрию очень хочется повидаться с родителями и долечиться в Москве. Состояние его здоровья ехать в Москву не препятствует. Конечно желательно лететь в санитарном самолете, так как поезда ходят медленно. По всем данным Юрий будет скоро вполне здоров...»

Отец добился перевода сына в московский госпиталь. Медицинская комиссия признала Юрия годным к строевой службе. К лету 1943 года положение на фронте улучшилось. Поэтому был подписан приказ вернуть моряков, отправленных на сухопутный фронт, снова на флот.

В Гатчине в Центральном военно-морском архиве среди других документов Великой Отечественной войны хранятся личные дела курсантов-моряков. Среди тонких серых папок есть личное дело Ю. Никитченко. Документов немного, да и откуда им взяться у восемнадцатилетних, за плечами которых была только десятилетка. Анкета с крохотной фотографией в верхнем правом углу, короткая автобиография, справка о прохождении медицинской комиссии. На карточке совсем мальчишеское лицо с прической под бокс. Часть фотографии занимает белый угол для печати. Наверное снимался еще на паспорт.

В деле Юрия есть еще листок «Дополнение к автобиографии». Текст на нем написан сперва карандашом, а потом обведен чернилами. Из этого до-

полнения мы узнаем, что в начале 1943 года выписавшегося из госпиталя офицера направили в училище имени Фрунзе, которое в то время находилось уже в Баку. Слушателя Никитченко зачислили на второй курс.

Казалось бы все складывалось как нельзя лучше. Но через три недели Юрий подает на имя начальника училища рапорт, где были такие строчки: «Прошу отчислить из училища на фронт в свою часть. Учиться я не могу, так как сейчас все мои мысли и чувства там, где бьют фашистов и мстят за погибших товарищей. Учебу я продолжу после войны».

Шла осень 1943 года. Уже завершился коренной перелом в войне, и с фронта шли хорошие вести. В таких условиях добиться отчисления было не так-то просто. Юрий был человеком настойчивым. Он доказал начальству, что спортсмен, моторист, человек, получивший фронтовой опыт, сейчас больше пользы принесет на передовой. Кажется, его довод, что он четыре года занимался в автоклубе спортивного общества «Динамо», решил исход дела в его пользу.

Он ехал через Москву. Нужно было как-то объяснить родителям, почему снова покинул училище. Последнее письмо написано на нескольких листочках отцовского блокнота красным карандашом. Почерк размашистый, почерк человека, решившегося на какой-то очень важный шаг. Можно только догадываться, сколько материнских слез было пролито над этим письмом.

«Мои дорогие папка и мамка! Я чувствую, что поступил очень жестоко, заставляя вас еще раз переживать за меня, ждать и волноваться. Я все это прекрасно понимаю, и боль разлуки мне хорошо знакома. Но если вы поверите мне, если согласитесь, что еще тяжелее оставаться в тылу, ни в чем не нуждаясь и зная только ласку и заботу в то время как там ждут избавления миллионы советских людей, когда их тысячами сжигают в печах, истребляют голодной смертью, расстреливают женщин и детей!

Эти сообщения Чрезвычайной комиссии, эти снимки обгоревших трупов – все это не даст мне покоя. Я кандидат в члены ВКП(б), офицер и честный советский человек, полный сил, знаний, опыта, достаточных для того, чтобы там, на полях сражений, выразить всю свою ненависть к фашизму. Вот что заставило меня еще раз сделать вам больно.

Вас беспокоит мой черенок, но на этот раз я не допущу ошибки. Я еду адъютантом командира танковой бригады и, разумеется, с ним буду в безопасности.

Мой долг быть там. И любовь к сыну не должна быть препятствием к выполнению его долга до конца. А конец может быть и будет один – полная победа над фашизмом и возвращение домой. Краснеть за меня вам не придется. Я иду в бой во имя любви к Родине, жизни и к вам.

Простите мне побег на фронт, но он не глуп, я все обдумал и взвесь. Целую крепко, крепко. Ваш взбалмошный сын Юрка».

На этот раз военная судьба целый год хранила молодого офицера. Осколочные царапины, после которых лейтенант Никитченко навещался в медсанбат, а потом возвращался в строй, в зачет не шли. Судьба была благосклонной к храброму лейтенанту. И дело было, конечно не в адъютантской должности командира танковой бригады. Думается мне, это было придумано Юрием, чтобы успокоить родителей.

Видимо, просто сказался фронтовой опыт, полученный еще под Ленинградом и продолженный в степях Калмыкии, вот и не отворачивалось от него фронтовое счастье.

Никитченко снова попал на Южный фронт, который в конце 1943 года стал 4-м Украинским. Бригада, в которой он воевал, шла на Запад, освобождая земли Украины. Лейтенант Никитченко участвовал в форсировании Днепра. И часто получалось так, что наиболее трудные задачи по разведке стали поручать взводу лейтенанта Никитченко.

Как сообщили из Главного Управления Кадров Министерства Обороны, 9 июня 1944 года за подвиги, совершенные на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, Юрий Ионович был награжден орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени.

К сожалению, у него больше не нашлось записной книжки, чтобы делать короткие заметки, не сохранилось и фронтовых писем. Поэтому мы очень мало знаем о последнем бое под Тернополем.

Со слов самого Юрия рассказал о нем наш однокурсник Б.К.Марин, лежавший с ним в одном госпитале.

Вражеская огневая точка не была своевременно выявлена, хотя в разведку ходил их взвод. Когда после артиллерийской подготовки бойцы поднялись в атаку, фашисты открыли огонь из пулемета. Двое бойцов, посланных на уничтожение дзота были убиты. Тогда к огневой точке пополз сам командир взвода лейтенант Никитченко. Он считал себя виновным в том, что прошлой ночью не обнаружил этот пулемет. Два взрыва от точных бросков гранат заставили вражеских пулеметчиков замолчать. Подождав, когда его бойцы преодолеют простреливаемое пространство, Юрий поднялся и шагнул к дзоту. Дверь в него была распахнута. Темный дымок тянулся от него в небо. Конечно, для верности надо было бросить еще гранату, но их больше у лейтенанта не было. И он вскочил в дзот с автоматом в руках. Фашист успел выстрелить первым. Ворвавшиеся бойцы вынесли своего командира. Вражеская пуля попала ему в лоб. А потом была тяжелая операция и долгие дни лечения.

День победы лейтенант Никитченко все же встретил на своих ногах. Он мечтал об учебе. Но война, закончившаяся на полях сражений, продолжала жить в его теле. С каждым месяцем все чаще она напоминала о себе. В ненастную погоду ныли раненые ноги. Но еще больше беспокоила пробитая голова. Болезнь то отступала, то вновь наваливаясь, стала надолго приковывать молодого человека к госпитальной койке. И скоро даже натренированный организм спортсмена оказался не в состоянии прожить недугу.

...Потеряв записную книжку в целлофане с торопливыми записями, пачка старых писем, да память товарищей – немного остается от человека, если война не позволила ему завести семью. А он выполнял свой главный гражданский долг – защищал Родину. И мне вспоминается короткая строчка из письма родителям «Краснеть за меня вам не придется».

Письма с фронта

(Из переписки ленинградца Андрея Соколова с родными)

26 сентября 1941 года. 9 июля из училища меня отпустили на четыре часа в город. Зашел в школу, затем отправился домой, но никого там не застал. На другой день успешно прошел медицинскую комиссию и был переведен из зала, где собирался новый набор, в училище. 11 июля позвонил вам и узнал, что вы эвакуировались. Через день мы выехали в лагерь, где пробыли месяц. Вся учеба там была направлена на то, чтобы в короткий срок сделать

из нас бойцов Красной Армии. Там мы получили довольно хорошую закалку. Но совершенно неожиданно нас вернули в Ленинград. Пробыли всего два дня. Приняли присягу и переменили нашу флотскую форму на сухопутную. Выглядим теперь, как самые обыкновенные пехотинцы: защитная гимнастерка, пилотка, защитные галифе, а на ногах ботинки с обмотками. Единственное, чем мы отличились от пехотинцев – на поясе морская бляха, да под гимнастеркой тельняшка. Нам выдали гранаты, саперную лопатку, противотанковые бутылки, боевой запас патронов. Винтовку и некоторое число патронов мы имели до этого. Все это пришлось таскать на поясным ремне. После этого выехали на фронт.

Выехали с Балтийского вокзала, ровно в полночь прибыли на отведенную нам «площадь». Мы были в истребительном батальоне и ехали охранять тылы. Верно, нам не приходилось ходить в атаки. Передовая находилась от нас в 5-7 километрах. За это время я даже привык засыпать под артиллерийскую канонаду. Мое пребывание в батальоне делится на две части. Сперва я был простым стрелком, потом приобрел специальность минометчика и находился в минометном подразделении этого же батальона.

Мы не сидели на одном месте. Оно менялось почти каждый день. О свободном времени не могло быть и речи. Нас поднимали в любое время суток, в любую погоду и мы выходили на боевое задание. Там я и мои товарищи наслушались, как свистят пули или воют бомбы. Через месяц нас вернули обратно в училище. Сейчас мы занимаемся, хотя эти занятия не назовешь систематическими. Числюсь курсантом 1 курса, снова надели морскую форму. В город не увольняют, но 13 сентября, мне удалось уйти на три часа. Заходил в школу, вернее – в остатки ее. Она разрушена авиабомбой крупного калибра. Занятий, конечно, нет. Бомба упала на Лермонтовский проспект. Разрушено два жилых дома и наша школа.

01.12.41 г. Дорогие дядя Коля и тетя Женя! Позавчера я был в городе в патруле и сделал все возможное, чтобы узнать о наших педагогах и нашей квартире. Заехал в школу на Крюковом канале. Василия Васильевича и Николая Михайловича встретил на трамвайной остановке. Вначале я их просто не узнал, так они изменились. Оба обросли бородами, страшно похудели. Через несколько шагов встретил Василия Адольфовича. На вид он не особенно изменился. Только заметней стала сутулость. Да ведь это и понятно: он уже около трех месяцев ничего не знает о сыне. Я думаю, что он погиб во время переправы через озеро, как и многие его товарищи по учебе. Я, конечно, ничего не сказал ему. Может быть каким-то чудом сын уцелел и выплыл. Наша школа (вернее – ее остатки) стоит заколоченной. Из школы пошел узнавать о квартире. Мария Ивановна сообщила, что в ней живет вселенная два месяца назад семья. Все имущество свалено в комнате тети Жени и опечатано. Больше времени они проводят на кухне и спят там же, так тратится меньше дров на отопление. Окна кое-как заделаны фанерой.

Заниматься в училище нам приходится очень мало. Два-три раза в неделю всего. Остальное время занято службами и работой. Зато эти дни используем целиком.

Начал писать 1 декабря, а кончаю – второго. Как ни старался побыстрей написать – помешала воздушная тревога. Письмо придется отложить до завтра.

03.02.42 г. прошу извинить за молчание. Начну отчет с декабря прошлого года. В Ленинграде мы не имели возможности нормально заниматься. Поэтому нас эвакуировали. 9 декабря начался наш поход. В начале ехали на

поезде до станции Ладожское озеро. 80 километров преодолели за три дня. Наконец 12 декабря в ночь прибыли на Ладогу. В эту же ночь начался пеший переход через озеро. Этот переход запомнится на всю жизнь. Мы вышли в час ночи 12 декабря. Погода была отвратительная: шел снег, дул сильный ветер, был изрядный мороз. Так прошли первые десять километров. Вышли на лед и попали в самую настоящую пургу. Ветер буквально валил с ног, неся в лицо колкий снег. Единственное, что нас спасало – маскировочные халаты. Только прошли еще с десяток километров, оказалось, что сбились с пути. Наконец, после поисков нашли вежи, которыми была обозначена дорога. Сама же дорога была занесена снегом. Машины, которые обычно ходили через озеро, в ту ночь в рейс не вышли. А мы пошли. Шли до рассвета, спотыкаясь и падая, иногда по колено в снегу. Взошло солнце, стало светлее, но пурга не утихла. По моим расчетам оставалось до берега не более пяти километров, а оказалось – еще двадцать семь. Надо было идти без остановки, ибо остановка в таких условиях – смерть. И только к трем часам дня я оказался на берегу. Совершенно не чувствовал ног от усталости. Но надо еще найти место для ночлега. Наконец, к семи вечера удалось устроиться у крестьянина, где мы отдыхали два дня. Узнал, что мы прошли целых 62 километра. 12 – по суше и 50 – по озеру. Все это за один переход с десятиминутными перерывами. Далее все продолжалось в том же духе. 22 декабря мы были в освобожденном Тихвине, пройдя пешком 245 километров. Начался второй этап перехода – в теплушках. Ехали к Уралу, но в Буе повернули на Москву. Узнали, что едем в Астрахань. Наконец 10 января прибыли в Астрахань. Неделя отдыха – и началась учеба. Учеба напряженная, так как надо за один семестр пройти программу двух семестров. Занятия в Ленинграде – не в счет. Вчера была первая контрольная по высшей математике. Сделал все. В самой Астрахани был раз в театре. Но климат здесь отвратительный. Сейчас мороз с резким ветром, а летом – жара, ветер с песком. Переход для меня дал многое. Закалил, приучил к трудностям. Я за это время не болел и не обморозился. Единственное, что осталось после перехода, так это звериный аппетит, который ничем не убьешь.

17.05.42г. Лишь вчера вернулись из плавания. Был обрадован вашими письмами. Так как мои письма до вас не дошли, коротко перескажу, что пережил за это время. Еще 7 декабря мы не предполагали, что покинем Ленинград, а на следующий день узнали, что 9 декабря уходим. Нас отпустили по домам взять с собой зимние вещи. В ночь на 13 декабря вышли. Эта кошмарная ночь до сих пор у меня перед глазами. В ту ночь у меня появилось какое-то безразличие к жизни. Несколько раз я опускался на лед с твердым решением больше не подниматься. Но каждый раз какая-то сила толкала вперед. Несколько раз был мираж берега. И когда я, наконец, увидел берег, эти последние пять километров я прошел за три часа. Дальше шли 30-35 километров в день. Я ни разу не скис, хотя в пути скисали чемпионы Ленинграда и Украины. Астрахань после всего этого показалась раем.

4 апреля, как только вскрылась Волга, мы уже плыли по ее дельте. На следующий день были в Махачкале. Красивее города я никогда не видел. Сперва практику проходили на учебном корабле, потом – на плавучей зенитной батарее. Плавали по всему Каспию, заходили в иранский порт Пехлеви.

Рано утром, выйдя на палубу, я увидел изумительное зрелище: кругом водная гладь, слева по борту восходит ослепительное солнце, а вдалеке, словно поднимаясь из воды, встают снежные вершины Кавказских гор.

Не обошлось без штормов. Особенно сильно нас прихватило у форта Шевченко. Я тогда был на штурманской вахте и вел прокладку. Ночь темная, ни луны, ни звезд. Лишь одинокий прожектор нашего корабля бродит по разбушевавшимся огромным волнам. И вот налетает вал. Вода совсем близко. Брызги каскадом перелетают через меня. Качает солидно.

Едва стоишь на ногах. Были в Баку. Там слушали оперу «Отелло». Постановка и исполнители очень хороши. После учебного корабля, где спали по четыре часа в сутки, плавали на плавучих зенитных батареях. Это время вспоминаем с большим удовольствием. Находились все время вблизи берегов. Воздух исключительный. За это время привык ложиться в 22, а вставать в пять утра. Здесь загорел еще больше, закалился. Полюбил море и теперь не представляю существования без него. Но пришел конец практике. 16 мая попали снова в Астрахань. Завтра начинается теоретическая учеба, а через месяц и экзамены. Экзамены на практике я сдал хорошо: 4 отлично, 3 хорошо и 1 посредственно. Рафаил Маркович убит, а Алеша в госпитале. Ампутировали пальцы на ноге.

14.07.42г. Очень жаль Женю. Не верится, что ее нет в живых. О себе. За это время ни разу не болел. Единственное, что я с трудом переношу, так это жару. Сейчас заканчиваются теоретические занятия. Пока что получаю лишь четверки. Почему не пять? В учебном году сталкивался с затруднениями. Не устранил их, вот это сейчас и сказывается. В будущем учту. Привет просил передать Павел Гандельман. Он сейчас в Кирове в Военно-морской медицинской академии.

16.08.42г. Хотя не особенно много времени прошло от моего последнего письма, но многое изменилось в моей жизни. 1 курс закончен. Началась морская практика, но через неделю ее прервали, вместо нее начались занятия по сухопутной тактике. Я ожидал, что получу звание главстаршины и попаду в морскую бригаду, а вместе с товарищами попал в Астраханское пехотное училище. Эту неделю находился в лагерях, расположенных на краю песчаных калмыцких степей на правом берегу Волги. Место по красоте исключительное, но жить (далее зачеркнуто военной цензурой). Да, за мной оставлено право после возвращения поступить на 2 курс, конечно, если я буду годен для военно-морской службы. Но об этом сейчас думать не приходится. Время покажет. Сейчас ничего более определенного написать не могу. Не знаю, где буду завтра, и адреса не сообщаю. Знаю только, что буду на фронте, как и мои товарищи. Извините, что пишу карандашом и посылаю без марки письмо. В этих условиях ни чернил, ни конверта не достать.

21.08.42г. Позавчера у нас все решилось. Я снова в Астраханском пехотном училище, только не в Первом, а во втором. Скоро будем выпущены командирами-пехотинцами (наверное – лейтенантами). И направимся на фронт. Сейчас приходится много и усилленно заниматься. Чувствую себя хорошо. Живу в прекрасной живописной местности. После Астрахани это рай на земле. Переписываюсь со школьными товарищами. У всех у них кто-нибудь погиб в семье. Многим пришлось бросить учебу в вузах и пойти работать. Очень жаль наших ребят – эта война перевернула всю их жизнь вверх дном.

09.10.42г. Последние дни был занят по горло. Шли последние дни напряженной учебы, а затем и государственные экзамены. Занимались с раннего утра до позднего вечера (подъем в 4, отбой в 22). Но все уже закончилось. Сейчас я свободен. Единственное наше развлечение – сходить в кино, да и

то, если есть электричество. Закончил училище с хорошими и отличными оценками. Получил звание лейтенанта. Сейчас жду назначения в часть. Хочется попасть под Сталинград или на Кавказ. Астрахань сильно надоела. Дней пять назад оправился после дизентерии. Я ее перенес на ногах, чувствовал себя довольно скверно, но сейчас – ничего.

14.10.42г. Получил ваши 100 рублей. Они меня сильно выручили. Но больше прошу никаких переводов не высылать. Нахожусь в резерве и жду назначения. Сегодня нам прочли приказ о присвоении воинских званий.

13.11.42г. До 6.11 занимался на курсах по переподготовке. Из пехотинца превратился (далее вычеркнуто цензурой, очевидно в минометчика). Сейчас пока нахожусь в (опять вычеркнуто) и жду назначения.

23.02.43г. За это время пройдено с боями свыше тысячи километров, освобождены многие населенные пункты, город Элиста (далее опять вычеркнуто). Пережито много разных моментов, когда осознаешь, что и твоя доля борьбы пошла для освобождения русских людей от проклятых немцев. Но было и такое, отчего люди седеют, когда жизнь висит на волоске. Сейчас я в госпитале. Ранен (далее зачеркнуто) в самый последний момент, когда поступил приказ занять город. И вместо того, чтобы войти в него, я был вывезен, как раненый. Рана затягивается. Как только получу письмо от вас, буду уже в своей гвардейской части. Сейчас очень приподнятое настроение. Одно за другим приходят известия об освобождении русских городов. Особенно было радостно, когда узнал, что наши войска прорвали блокаду Ленинграда.

18.04.43г. Наша гвардейская часть прошла свыше тысячи километров, освобождая русскую землю, в том числе Элисту, Батайск, Ростов. Но в последний мне вступить не удалось, ранило осколком снаряда. Сейчас я снова в своей части. Но недавно снова не повезло. Шальная разрывная пуля влетела через окно в хату и осколком ранила меня в ногу. Рана затянулась, но ходить еще больно.

28.05.43г. Ровно через два месяца меня ранило шальной пулей. Нам пришлось штурмовать Маныч. Это второй Сталинград. По выражению одного корреспондента «солдаты Маныча сродни солдатам Суворова».

06.06.43г. Много радости и горя пришлось увидеть на пути из Астрахани. Да и самому приходилось попадать в такие положения, что еле-еле удалось выбраться. Однажды сидел в подвале целую ночь, а в квартире хозяйничали немцы. После таких событий мои минометы громили немчуру с новой силой.

30.06.43г. Два месяца живу одной учебой. Но отдых тяготит. Снова хочется вернуться на передовую и бить проклятых фашистов. Несколько моих товарищей снова попали в военно-морское училище и продолжают там учебу.

07.07.43г. Обо мне взяли сведения в каком морском училище учился и почему выбыл. Ходят слухи, что отошлют обратно для продолжения учебы. Но это пока слух. Да и уходить как-то не хочется. Сроднился с частью, подружился с людьми. И мечта у меня такая: гнать фашистов до самого Берлина. Да, не пишите на конверте мое звание, а то его каждый раз зачеркивает военная цензура.

15.07.43г. Отдохнул, теперь иду в бой. Подал заявление в партию. Надеюсь, что примут. Кандидатом я уже хожу порядочное время.

28.07.43г. Снова на передовой. Вот уже 11 дней, как начались бои. Вернее – один бой, так как отдых наступает только ночью на несколько часов. А

утром продолжение того же, что было и вчера. Сейчас затишье – поэтому и пишу. По всему фронту идут бои местного значения. Но скоро они станут губительными для фашистов, они побегут без оглядки. Время такое подошло: наши гвардейцы научились хорошо воевать. Запомнился один день. На нас в контратаку шло 150 танков. Была брошена авиация, за танками двигались автоматчики. Но мы выдержали. Немцы повернули обратно, оставив на поле боя 80 танков и до тысячи убитых.

13.09.43г. Нахожусь в санбате. Снова ранило 10 сентября пулей в область живота. Врач сказал, что я счастливец. Пуля не задела кишок и застряла где-то внутри. Операции почему-то не делают, а я не согласен таскать в себе две пули. Сейчас они не беспокоят, так позднее дадут о себе знать. Нашей части присвоено наименование Енакиевской. Мои «самовары» уничтожили много фашистов. За это почти все хлопцы отмечены правительственными наградами. В августовские бои я принят в члены ВКП(б).

14.10.43г. Сейчас идут такие бои, что не передать словами. Я снова в госпитале. Не успел вернуться из санбата, как меня снова ранило. Только теперь в левый бок. Кишки опять не порвало, но осколок мины, величиной с палец, засел глубоко. Рана не опасная, но ходить нельзя. Бои идут такие, в каких еще не приходилось бывать. Кругом равнины, а немец сидит в блиндажах и траншеях. Приходится его оттуда буквально выкуривать. Как ни тяжело, а продвигаемся вперед. Если он потеряет эту местность, то в Крыму ему будет второй Сталинград. Перед самым ранением пришел приказ о моем награждении орденом Красной Звезды. Извините за почерк. Пишу лежа.

30.10.43г. Операция прошла хорошо. Два дня назад начал ходить. Жалко, что лежу в госпитале, в то время, как на нашем участке немца так гонят, что трудно догнать.

24.02.44г. Попал в другую часть и тут же заболел. Пролежал в госпитале две недели, выписался и снова в своей части. Шло наступление, писать письма не было возможности. Еле-еле урвешь в сутках час-другой для сна и снова преследуем немца. Дали ему такого жару, что он за неделю бросил около 5 тысяч автомашин, много танков, орудий и другой военной техники. Была страшная грязь, и все машины и танки застряли в ней. Сейчас пока отдыхаем от боев. Но скоро снова на передовую. Наше соединение за эти бои было награждено орденом Красного Знамени.

29.02.44г. Знали бы вы, какое радостное настроение было, когда узнал об изгнании немцев из-под Ленинграда. Посылаю фото. Фотографировался в госпитале, но с тех пор мало изменился.

27.03.44г. Из десен идет кровь. Позади осталась Украина, впереди – Молдавия. Пришлось дважды форсировать Буг. В первый раз пришлось трое суток сидеть в камышах. Иногда вода доходила до пояса. Потом мы форсировали Буг в другом месте. Еще один хороший удар, и Одесса будет свободной. Наше соединение опять отличилось. Награждено орденом Суворова 2-й степени. Здесь весна, но все еще холодно.

15.05.44г. Днестр мы форсировали блестяще. Этого немцы не ожидали. Мы переправились и захватили плацдарм. Но тут начались контратаки. Их было четырнадцать. Каждый день отбивали по три-четыре атаки. Особенно памятна одна. Часа в четыре артиллерия открыла сильный огонь.

Застрочили пулеметы. Кругом стало светло от ракет, разрывов. Немцы шли пьяные. Тут заговорили наши «катюши». Все потонуло в грохоте, исчезло

в ярком пламени. Но уцелевшие фашисты все шли. Бой перешел в рукопашную. Тогда враги не выдержали, побежали. В том бою мы уничтожили батальон фрицев. Запомнилась ночь на 28 апреля, когда пришлось еще раз переплывать Днестр, а затем идти по затопленным плавням около трех километров, где по колено, а где – по грудь в воде. Шел дождь. Ночь была темная. Немцы прятались по домам, изредка пуская ракеты. Прошли буквально под самым носом у немцев. 1 мая встретили в походе. А знаете ли вы, до чего хочется послушать хорошую музыку, особенно оперу?

10 сентября 1944 г. Теперь события происходят с поразительной быстротой. Невольно вспоминаю прошлый год. В это время я был в г. Сталино. А сейчас в Болгарии. Молдавию мы прошли за пять дней. Все решил один день, когда кругом гудело так, что не было слышно голоса человека, стоящего рядом. А земля содрогалась от разрывов десятков тысяч снарядов и бомб. На земле был настоящий ад. И солнце потонуло в пороховом дыму. 25 августа мы с боем вышли на реку Прут, а 26 августа в два часа дня, форсировав ее, перешли государственную границу. Мое подразделение было в числе первых.

Сейчас я здоров, если не считать малярии, которая осталась на память о Бухаресте.

26.10.44г. Как жаль было покидать Югославию. Такого сердечного приема я не встречал нигде. Природа кругом изумительная, народ исключительно красивый. Но делать нечего – война, и пришлось покинуть эту замечательную страну и вступить в пределы Венгрии.

На этом фронтовые письма оборвались. Нет Олег Владимирович Соколов не погиб. Он участвовал в боях за Будапешт, под Веной был тяжело ранен. После войны кавалер ордена Александра Невского и двух орденов Красного Знамени, фрунзевец Соколов по состоянию здоровья не мог вернуться в свое училище. Он поступил в Ленинградский электротехнический институт имени Ульянова (Ленина). Его оставили преподавать в этом институте, затем он стал заместителем декана факультета электронной техники. Сейчас О.В.Соколов на пенсии.

АЛЛЕЯ ФРУНЗЕВЦЕВ

На Неве играл флотский оркестр. Сверкали на солнце медные трубы, глухо ухал барабан. И его удары, редкие и торжественные, ловили и отражали стены домов на набережной. Праздничные звуки плыли над водой, над зеленой бульвара, над собравшимися людьми. Ветер с залива парусом надувал кумачовый плакат: «Привет участникам шлюпочного перехода Ленинград – Волгоград!»

Курсанты уже заняли места в шлюпках. На набережной собралось больше всего женщин; юные и не очень молодые, подруги и матери. Вездесущие мальчишки взбирались на гранитный парапет, чтобы лучше все видеть. Летним июльским днем праздник царил на Неве. И только одна женщина с накинутой черной косынкой на седых волосах не вписывалась в эту оживленную толпу. Она стояла в стороне, смотрела на шлюпки с курсантами, а по ее щекам текли слезы.

Женщину заметили. Кто-то из офицеров подошел, расспросил, пригласил в университетский музей. Это была ленинградка Олимпиада Ивановна Лиходеева, мать курсанта-фрунзевца, не вернувшегося из-под Сталинграда.

Так на набережной Невы жизнь снова напомнила молодежи о войне, о тяжелых годах испытаний, о Сталинградском выпуске училища. И хотя официально он нигде так не назывался, он все-таки был Сталинградским.

11 августа 1942 года стены училища имени Фрунзе, находившегося тогда в эвакуации в Астрахани, покидали сразу два курса. Досрочные выпуски во время войн случались и раньше. Но чтобы уходили не старшие, а младшие два курса, уходили не на корабли, а в пехоту – такого за все двести сорок лет училища не было ни разу.

Обошлось без традиционного выпускного бала. Вместо него курсантов с вещевыми мешками построили на площадке городка рыбвтуза. С коротким напутственным словом выступил представитель военно-морских учебных заведений генерал-майор А.Н.Татаринов.

Запомнились его слова:

– Четверть века назад ваши отцы с оружием в руках завоевали себе право на жизнь. Благодаря той победе, вы смогли учиться в стенах старейшего военно-морского училища. Сейчас, в трудное время Родина говорит вам: чтобы продолжать учебу, нужно на фронте завоевать это право! Фронтовых успехов, друзья. И пусть каждый из вас после победы вернется в училище. Скорейшего возвращения вам, фрунзевцы!

Не было оркестра. Полосатый шлагбаум, как в салюте, последний раз взметнул руку к вершинам пирамидальных тополей, выпуская батальон фрунзевцев в большое плавание.

На южной окраине города-героя вела бои 204 стрелковая дивизия. В нес командиром взвода разведывательной роты получил назначение младший лейтенант Борис Федорович Лиходеев.

Курсового богатыря Бориса знали все училище. Всего несколько человек были выше его ростом. В восемнадцать лет он весил около центнера.

До поступления в училище Лиходеев несколько лет занимался в секции вольной борьбы, был чемпионом Ленинграда среди юношей в тяжелом весе. Его атлетическая фигура и красивое лицо невольно привлекли внимание.

В столовой училищных великанов с первых дней пребывания посадили за отдельный стол. Им требовалось дополнительное питание.

Любовь к морю привил сыну Федор Федорович Лиходеев – судовой механик с ледореза «Литке». Он одним из первых осваивал Северный морской путь. К нам в училище почта приносила нечастые весточки, посланные из различных северных портов. И как родительский наказ звучали слова старого полярника сыну: «Я родился на Волге и воевал под Царицыным. Уверен, что и ты, и твои товарищи не дрогнут, если дело дойдет снова до боев на Волге».

Видимо, находясь за много миль, чувствовал Федор Федорович, что приближается решительное сражение. Но вряд ли он предполагал, что так скоро под Сталинград идти воевать придет очередь его Бориса.

Командир разведывательного взвода младший лейтенант Лиходеев скоро доказал, что он достоин своего отца. Он быстро стал опытным воином. Приходилось вести разведку вражеских укреплений, брать «языка». А когда не хватало пехоты, взвод Бориса участвовал и в обороне, и в наступлении.

Все уже затягивалось кольцо вокруг окруженных фашистских войск. Подходил новый 1943 год. Героическая Сталинградская эпопея приближалась к своему логическому завершению, но гитлеровцы все еще надеялись на помощь и поэтому не складывали оружия. Ожесточенные бои продолжались.

Младшего лейтенанта за отличное выполнение боевых заданий, командование представило к медали «За отвагу». Он с большой гордостью сообщал об этом матери. Послал письмо, не очень веря, что оно прорвется в блокированный Ленинград. В город на Неве его фронтовой треугольник дошел уже весной. Письмо взволновало и обрадовало мать. Но ненадолго была радость. Вскоре почтальон принес Олимпиаде Ивановне на Васильевский остров конверт, подписанный незнакомой рукой. Командир Г.А. Абдулин сообщил: «Ваш сын – Борис Федорович Лиходеев» – высокого роста красивый парень героически погиб под Сталинградом 30 декабря 1942 года. Он был решительным и смелым человеком и был убит, когда на него, при выполнении боевого задания, напали гитлеровцы. В штыковом бою он заколол трех фрицев, но вражеская пуля оборвала его жизнь. Он похоронен в балке Ягодная. В том бою мы дали фашистам жару, и в дальнейшем будем мстить за нашего боевого товарища. Полевая почта 82611».

Когда летом 1944 года в Ленинград вернулось из эвакуации военно-морское училище им. Фрунзе, Олимпиада Ивановна часто ходила к его зданиям. Ей все казалось, что произошла ошибка. Борис остался жив и скоро должен приехать в Ленинград. До последнего своего дня она все еще надеялась на чудо.

Как уже упоминалось, Сталинградский фронт требовал пополнения не только в стрелковые части. Требовались люди и в партизанские школы. Попали туда уралец М.М. Сущинский, москвич Г.М. Володин, ленинградцы В.Я. Солдатов и Ю.В. Янушевский. Парни рослые и здоровые.

Сущинского скоро вернули в пехотное училище. Его подвела наколка на руке: синий адмиралтейский якорь и имя «Миша». Разведчики не должны иметь особых примет. Трое остальных окончили специальную школу и стали заместителями командиров отрядов по разведке.

Юрий Викторович Янушевский попал в партизанский отряд А.М. Федоренко, действующий южнее Сталинграда. Янушевский быстро освоился со своими новыми обязанностями. О нем тепло отзывался его бывший командир. За подвиги в борьбе с фашистами бывшего фрунзевца представили к правительственной награде. Когда из отряда Федоренко потребовалось забросить в тыл к противнику группу наиболее подготовленных разведчиков и подрывников, ее возглавил Юрий Янушевский.

20 января 1943 года семь партизан были выброшены с самолета в районе станции Кушевская в Краснодарском крае. Эта станция находится на дороге, связывающей Северный Кавказ с Ростовом. В это время движение на этом участке было наиболее интенсивным. Фашисты отходили с Кавказа, опасаясь, что их войска может постигнуть участь окруженных под Сталинградом. Вот почему советскому командованию было важно знать, что происходило на этой станции.

Дальнейшие следы партизанской группы Янушевского теряются. По официальным данным они числятся пропавшими без вести.

Начиная поиск, я верил: не могли же все семь человек пропасть бесследно. Пришлось обратиться за помощью к жителям Кушевской. Местная газета «Вперед» опубликовала мое письмо «Где они, следы партизан?». Откликнулись очевидцы и те, кто слышал о подвиге семи, похороненных в центре станции Кушевская.

Вот как теперь, пока еще далеко не полно, вырисовывается судьба этой партизанской группы. Разведчиков сбрасывали ночью, по одному. Поэтому

группа оказалась рассеянной. Фашисты усиленно охраняли важную для них станцию. Они обнаружили советский самолет и подняли по тревоге полицию и охранные войска. Такой важный фактор успеха, как внезапность, был партизанами потерян.

С первых минут приземления партизаны попали в трудное положение. Местом сбора были скирды соломы на окраине станции. Туда и отошло большинство. Фашисты окружили скирды. Враг в несколько раз по своей численности превосходил партизан. На предложение сдаться советские разведчики ответили огнем. Они отбивали атаки врага до тех пор, пока были патроны. Лишь днем, когда кончились боеприпасы, несколько раненых попали в руки врага. Их доставили в больницу, где работала жительница станции Куцевская С. Сапельняк. Там стали известны имена некоторых партизан. Федор из Ленинграда, Мария с Украины. Партизанскую группу нередко называли по отчеству или по фамилии ее командира. Так было с группой Максима. Как уже говорилось, эти партизаны были из отряда Федоренко. Может быть поэтому их командир стал Федором?

Доставили в больницу и Михаила Шабанова (или Шибанова). Он был родом из Владимирки из-под Сталинграда. При приземлении партизан сломал ногу и не мог передвигаться.

Все пленные имели тяжелые ранения, но их приводили в чувство и водили на допросы. Не добившись ничего от раненых разведчиков, фашисты расстреляли их в карьере Куцевского завода.

Интересен рассказ о судьбе одного партизана из их группы. Жители не знают его имени. Но по их описанию это был высокий молодой человек в новеньком белом полушубке. Он не мог пробиться к скирдам. Пришлось принимать бой одному. Ему удалось уничтожить несколько фашистов. А когда патроны кончились, он подпустил солдат к себе и взорвал последнюю гранату.

Кто этот герой? Юрий Янушевский или кто-то другой?

Далеко не все подробности гибели этой партизанской группы известны. Но уже ясно одно: они не пропали без вести. Они вели борьбу с противником до конца.

Немало подвигов было совершено на Сталинградской земле. Весь мир с напряженным вниманием следил за этой гигантской битвой на берегах Волги. Приняли в ней участие и пятьсот фрунзевцев, в большинстве своем не вернувшиеся с войны.

Многих, очень многих не досчитался Сталинградский выпуск. Остались навсегда в волжских степях Б. Баринев, Е. Завьялов, В. Платонов, О. Коновалов, Б. Ненашев, В. Пирогов, Б. Рзаев, М. Сизов, Б. Шемяткин, К. Соловьев и многие другие.

Получили тяжелые ранения Е. Бабошин, Н. Ефимович, Л. Лазарев, А. Ярчук, Ю. Колесниченко, Н. Динмент, Н. Работа, К. Вальдман, А. Барыбин, Г. Липилин, К. Шауб, И. Могилев. Да всех и не перечислишь.

Только каждый десятый смог вернуться в училище продолжать учебу.

Уходили на фронт мальчишками, пришли на набережную Невы бывальыми волнами с боевыми наградами.

Наш Сталинградский выпуск не дал Родине адмиралов. Зато мы гордимся, что некоторые фрунзевцы получили генеральские звания.

Нередко мне видится такая картина: на высоком волжском берегу раскинулся молодой мемориальный парк. Южный ветер шумит в ветвях белых

акаций, раскачивает пирамидальные тополя. И как память о погибших курсантах горит надраенная медная доска «Аллея фрунзевцев».

Такая аллея в Волгограде должна быть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Как начинался понск

В 1960 году страна отмечала 25-летие Победы. В Краснознаменном зале ЦДСА проводили конференцию военных историков, посвященную этой дате. Довелось в ней участвовать и автору этих строк. В числе приглашенных на конференцию был бывший фрунзевец капитан 1 ранга Н.Т.Работа, служивший в Управлении кадров ВМФ. Именно он предложил собрать сведения о всех моряках-курсантах, принявших участие в Сталинградской битве.

Присутствующий при этом разговоре мой начальник капитан 1 ранга В.И. Ачкасов тут же дал согласие и разрешил мне поехать в Центральный военно-морской архив в Гатчине. Надо было ознакомиться с теми училищными документами, которые относились к курсантам, в августе 1942 года посланным на пехотную переподготовку, а затем на фронт.

Удалось разыскать приказ по ВВМУ им. Фрунзе о передаче морских курсантов в армию. Из архива МО в Подольске я получил копию приказа о присвоении этим курсантам офицерских званий. Служебное положение Н.Т. Работы позволяло ему широко пользоваться картотекой ВМФ, в случае необходимости обращаться в ГУК МО, чтобы установить судьбу товарищей.

После смерти капитана 1 ранга Н.Т. Работы это дело продолжил капитан 1 ранга А.Н.Лукин.

Сведения собирались по курсам, по училищам. К сожалению, среди бывших второкурсников и каспийцев не нашлось энтузиастов, кто свою работу довел бы до конца. Удалось собрать лишь данные о большей части курсантов 1 курса. Однако и при этом судьба около 70 человек осталась невыясненной.

Для установления судьбы однокурсников использовались архивные данные, сведения картотеки управления кадров ВМФ, материалы ГУКа МО, воспоминания участников боев.

После смерти А.Н.Лукина эту работу в Петербурге продолжили капитаны 1 ранга Л.Б.Карлов и В.Ф.Викман.

Вот что удалось установить:

Моряки-курсанты, посланные в августе 1942 г.

в Астраханское пехотное училище:

1. Курсанты ВВМУ им. Фрунзе, 1 курс основного факультета – 269 чел.
2. То же (дополнительный список) – 6 чел.
3. Курсанты ВВМУ им. Фрунзе 1 курса гидрографы – 24 чел.
4. Курсанты ВВМУ им. Фрунзе, 2 курс основного факультета – 123 чел.
5. Курсанты 1 курса Каспийского ВВМУ – 40 чел.
6. Курсанты 2 курса КВВМУ – 26 чел.

Всего от двух морских училищ было передано в АПУ 488 человек.

Астраханское пехотное училище закончило 473 человека.

15 человек было отозвано с учебы в различные места (в партизанские школы – Солдатов, Белокопытов и др., в другие места – Соколовский, Захаркин, Скриганов и др.).

Потери под Сталинградом:

1. Убито – 53 человека
 2. Умерли от ран – 12 человек
 3. Пропало без вести – 17 человек.
- Всего 82 человека.

Потери после Сталинграда:

1. Убито – 27 человек
 2. Умерли от ран – 7 человек
 3. Пропало без вести – 2 человека
- Всего 36 человек

Всего на 1 курсе ВВМУ им. Фрунзе потеряно (по неполным данным) 118 человек. Не удалось установить судьбу около 70 человек.

Можно предполагать, что потери первокурсников составляют 150-160 человек. Наибольшие потери (по 30 человек) были в декабре 1942 и январе 1943 года.

СПИСОК курсантов-фрунзевцев 1 курса, погибших под Сталинградом:

1. Апцуг Рафаил Исаакович 24.11.42
2. Барановский Юрий Борисович 22.01.43
3. Беляев Сергей Георгиевич 07.01.43
4. Бугров Василий Федорович 17.01.43
5. Баринов Борис Вениаминович 17.01.43
6. Власов Марк Николаевич 26.01.43
7. Георгиади Георгий Иванович 12.42
8. Голубицкий Владимир Минович 26.11.42
9. Головкин Владимир Иванович .11.43
10. Гах Илья Моисеевич 29.11.42
11. Дмитриев Александр Прокофьевич 26.01.43
12. Ерещко Николай Иванович 18.01.43
13. Журавель Петр Петрович 20.11.42
14. Зубков Анатолий Ильич 21.01.43
15. Кобренюк Ярослав Иванович 08.01.43
16. Коновалов Олег Георгиевич 24.01.43
17. Кухаренко Вячеслав Иванович 09.12.42
18. Калиновский Иван Иванович .12.42
19. Каменев Владимир Николаевич 25.01.43
20. Кияшко Георгий Петрович 22.11.42
21. Лаврищев Владимир Петрович 31.12 42
22. Лиходеев Борис Федорович 30.12.42
23. Лундышев Николай Николаевич 06.01.43
24. Мейлер Леонид Самойлович 02.12.42
25. Михайлов Юрий Петрович 08.12.42
26. Моделкин Александр Константинович 02.02.43
27. Ненашев Борис Петрович 10.01.43
28. Павлов Евгений Васильевич 13.01.43
29. Пирогов Владимир Матвеевич .01.43
30. Портнов Борис Александрович 17.01.43
31. Прозин Владимир Александрович 20.01.43

32. Розинов Исаак Лазаревич 08.12.42
33. Рзаев Васиф Гусейнович 22.12.42
34. Смирнов Анатолий Рафаилович .01.43
35. Сизов Михаил Павлович 10.12.42
36. Скурлатов Борис Петрович 22.10.42
37. Солдатов Владимир Яковлевич .12.42
38. Стрельцов Борис Евдокимович 10.01.43
39. Сычев Владимир Сергеевич .10.42
40. Толкачев Егор Яковлевич 20.01.43
41. Табаков Федор Алексеевич 11.01.43
42. Тихомиров Валентин Александрович 28.11.42
43. Тер-Аванесян Погос Аветисович 20.11.42
44. Хотилин Израиль Иосифович 22.12.42
45. Царев Виктор Федорович 01.12.42
46. Чижевский Анатолий Васильевич 14.12.42
47. Червинский Владимир Николаевич 28.11.42
48. Штыко Евгений Евгеньевич 11.01.43
49. Шварцблат Борис Вульфович 31.12.42
50. Шварцман Михаил Давыдович 28.11.42
51. Швидко Иван Лукич 15.01.43
52. Эпштейн Давид Борисович 25.11.42
53. Яворович Олег Андреевич 31.12.42

Курсанты-фрунзецы 1курса, умершие от ран под Сталинградом:

1. Брауде Борис Евсеевич 1943
2. Галяминский Борис Прокофьевич 26.01.43
3. Кондратьев Анатолий Михайлович 15.01.43
4. Мясоедов Александр Александрович 10.01.43
5. Потапенко Евгений Николаевич 24.04.43
6. Поршнева Лев Михайлович 21.12.42
7. Рогов Лев Владимирович 15.01.43
8. Тополь Иван Васильевич 15.01.43
9. Трипольский Василий Петрович 1943
10. Харченко Андрей Николаевич 1943
11. Чумаков Александр Алексеевич 09.06.43
12. Ташкевич Юрий Федорович 1942

Курсанты, пропавшие без вести под Сталинградом:

1. Будалов Геннадий Романович 11.42
2. Бирин Михаил Александрович .01.43
3. Булашенко Борис Фомич .03.43
4. Винтер Леонид Борисович .10.42
5. Васильков Владимир Григорьевич .09.42
6. Гришаев Алексей Афанасьевич 1942
7. Гирфанов Рафаэль Касымович .01.43
8. Довгань Георгий Емельянович ?
9. Ефремов Александр Иванович 1942
10. Жуков Александр Михайлович ?
11. Народицкий Евсей Аронович ?

12. Оленицкий Юрий Игнатьевич 1942
13. Питанов Николай Степанович ?
14. Пожарский Андрей Михайлович .02.43
15. Стефанский Николай Николаевич .12.42
16. Харитонов Николай Николаевич .01.43
17. Штейнгарц Абрам Наумович 20.11.42

Курсанты-фрунзевцы 1 курса, погибшие после Сталинграда:

1. Баранов Игорь Сергеевич 09.07.43
2. Барулин Николай Иванович 04.09.43
3. Бодриков Виталий Алексеевич 27.04.43
4. Володин Георгий Михайлович .05.44
5. Воронцов Михаил Яковлевич 02.03.44
6. Герасютин Ким Васильевич 16.09.43
7. Галец Борис Иванович 07.05.44
8. Десятников Иван Яковлевич 10.04.44
9. Егоров Виктор Павлович 15.09.43
10. Ефименко Владимир Андреевич 17.07.43
11. Забабурин Виктор Михайлович 16.11.43
12. Завьялов Евгений Федорович 24.10.43
13. Иоффе Илья Зинович 05.09.44
14. Куштынов Леонид Михайлович 1944
15. Кропотов Владислав Павлович 13.02.43
16. Коробов Василий Филиппович .12.43
17. Маткобог Василий Петрович 1944
18. Мориц Мендель Исаакович 24.02.43
19. Петров Николай Николаевич 31.07.43
20. Платонов Василий Алексеевич 19.07.43
21. Папернов Александр Маркович 04.07.44
22. Смирнов Сергей Васильевич 10.07.44
23. Смирнов Николай Николаевич 10.02.43
24. Спивак Николай Игнатьевич 1943
25. Федин Николай Иванович 11.07.43
26. Шмяткин Михаил Дмитриевич 03.10.43
27. Якушев Алексей Федорович 30.07.43
28. Янушевский Юрий Викторович 1943

Умерли от ран:

1. Земсков Евгений Николаевич 22.01.44
2. Семененков Михаил Михайлович ?
3. Коробченко Всеволод Дмитриевич 08.02.44
4. Потапенко Евгений Николаевич 24.04.44
5. Романов Павел Михайлович .10.43
6. Раппопорт Вадим Игоревич 10.12.43
7. Синягин Павел Владимирович 31.08.43

Пропали без вести:

1. Бривин Владимир Николаевич 16.07.43
2. Стрелков Владимир Александрович .03.43

Фрунзевцы-сталинградцы посетили свое училище в день 20-летия Победы

В.А. Ефименко – курсант Высшего военно-морского училища им. Фрунзе

Ветераны на Неве

Фрунзевцы на Ладого. Отсюда им пришлось совершить пеший переход

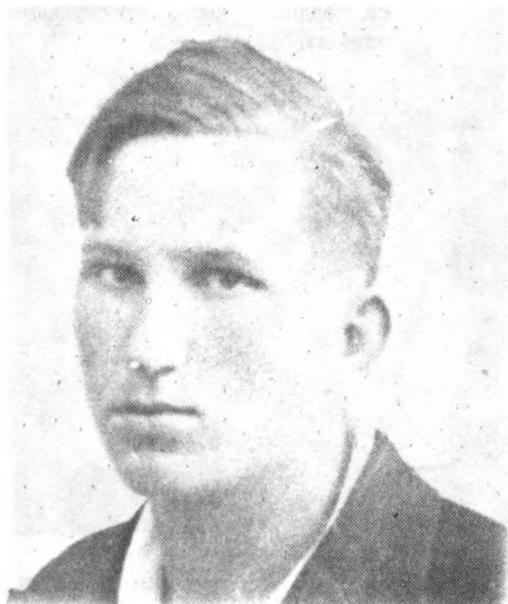

Б.Ф. Лиходеев – ученик 10 класса, позднее – командир стрелкового взвода

Фрунзевцы собираются на традиционную встречу 9 мая

В.Я. Солдатов, ученик 10 класса, позднее – партизан из группы «Максим»

~~Трагедия:~~
~~до 1941~~

Мечтания
будет моя жизнь
как и предполагал не так,
во всем смысле, что будет за-
ставить не меня, а буду
стремиться сделать то-то
только хорошее, полезное
для себя, на пути
теплое...
1941

Строки из дневника Володи

**Ю.И. Никитченко – командир
взвода разведки**

**О.В. Соколов – курсант
училища**

Ю.И. Колесниченко из-за тяжелого ранения не смог вернуться в училище

Н.Т. Работа – командир стрелковой роты

**Н.Л. Димент – командир
взвода разведчиков**

**Тянет ветеранов на места бо-
ев. Фрунзевцы в Волгограде**

**Г.В. Липилин – командир
стрелкового взвода**

Автор – Ю.И. Чернов

Чернов Юрий Иванович

ВСТРЕТИМСЯ У ПАМЯТНИКА КРУЗЕНШТЕРНУ

Редактор Иванова Е.И.

**Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная №1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 3. Тираж 1000 экз.**

Коротко об авторе

Юрий Иванович Чернов родился в Петрограде в 1923 году. Летом 1941 года закончил десятый класс Ленинградской военно-морской спецшколы, поступил в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. В составе морской курсантской бригады участвовал в обороне Ленинграда. Затем командовал стрелковым взводом под Сталинградом. После ранения вернулся в свое училище продолжать учебу. Отмечен правительственными наградами – четырьмя орденами и четырнадцатью медалями. После окончания училища участвовал в боевом тралении на Балтике, затем служил на Тихом океане. Капитан 1 ранга. Заочно окончил Литературный институт Союза писателей имени Горького. Лауреат премии журнала «Огонек». Автор книг «Меридианы балтийской славы», «Война погасила маяки», «Балтийские рассказы», «Гидрографы выходят первыми» и других.